

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ШЕСТНАДЦАТЬ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРИ ОСАДЕ

К. Д. ПАРКЕР

К. Дж. Паркер
Шестнадцать способов
защиты при осаде
Серия «Шедевры фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68521705

Шестнадцать способов защиты при осаде:

ISBN 978-5-17-122324-3

Аннотация

Приближается осада, и у города очень мало времени, чтобы подготовиться. Нет еды, нет оружия, а противник поклялся вырезать всех, кто остался за крепостными стенами. Чтобы спасти город, нужно чудо, но у местных жителей, так получилось, есть только Орхан. Полковник инженерной части, он больше сведущ в постройке мостов, чем в битвах, а еще он – вор и лжец, к тому же по самым разным причинам не слишком любит собственное командование. В общем, идеальный кандидат для такой работы. Ведь история далеко не всегда плод великих и благородных дел. Иногда приходится тяжело поработать и кое-кого обвести вокруг пальца.

Содержание

1	5
2	16
3	28
4	40
5	54
6	66
7	75
8	88
9	99
Конец ознакомительного фрагмента.	111

К. Д. Паркер

Шестнадцать способов защиты при осаде

К. J. Parker

SIXTEEN WAYS TO DEFEND A WALLED CITY

First published in the English language in the United Kingdom
in 2019 by Orbit, an imprint of Little, Brown Book Group,

London

Copyright © 2019 by One Reluctant Lemming Company Ltd.

© Григорий Шокин, перевод, 2022

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Посвящается Констанции и Сталкерам – с
благодарностью*

*Орхан, сын Сийи, Доктус Феликс
Преклариссимум, здесь изложил историю Великой
осады, с тем чтобы деяния и страдания великих
людей никогда не были забыты*

В Классис я заехал по делам. Мне понадобилось шестьдесят миль четырехдюймовой пеньковой веревки второго сорта. Я строитель понтонных мостов, а вся армейская веревка в Империи проходит через Классис. Сделка обычно идет так: подается заявка в Отдел снабжения дивизий, тот отправляет ее в Центральный отдел снабжения, оттуда она уходит генерал-казначею, он ее одобряет и отправляет назад в Отдел снабжения дивизий, откуда она отправляется через Центральный отдел снабжения снова в Классис, где квартирмейстер говорит: извините, у нас нет веревки. Или же можно нанять в Хереннисе какого-нибудь ловкача жулика, чтобы он вырезал на заказ такую копию печати казначейства, чтоб комар носа не подточил. Желанный оттиск я ставлю на свою заявку сам – и доставляю ее на руки заместителю квартирмейстера в Классисе, где есть старший клерк, который отмотал бы немалый срок в сланцевых карьерах, если б я не стащил кое-какие документы несколько лет назад. Я их, конечно, все сжег сразу после того, как заполучил, но клерк-то этого не знает – вот и приходится ему выделять из армейских запасов шестьдесят миль веревки для меня.

Я выбрал сухопутный маршрут из Траекты в Цирт, пролегающий по одному из моих мостов (срочный заказ, выполненный мной пятнадцать лет назад; должен был стоять всего

месяц, на мост все еще там, и это единственный путь через Лузен, не считая того, что в двадцати шести милях оттуда, если в сторону Понс-Йовианиса) и дальше вниз через перевал на береговую равнину. Открывающийся с перевала вид поистине легендарен – огромное зеленое лоскутное одеяло с синевой залива за ним, и Классис, геометрически идеальная звезда, тремя лучами вонзается в сушу, а еще тремя – вдается в море. Решение, если подумать, сугубо прагматичное, прямо по полевой инструкции. Более того, спустившись на равнину, вы уже не сможете ухватить эту форму, если только вы не Господь Бог. Три обращенных к морю рукава представляют собой сужающиеся причалы, в то время как их сухопутные аналоги – это оборонительные бастионы, предназначенные для прикрытия трех главных ворот огнем сразу с двух сторон. И наконец, когда девяносто лет назад был построен Классис, тут были огромные чащобы (срубленные на древесный уголь во время Народной войны – теперь памятью о них служат пеньки, болота и кустики ежевики), так что и с перевала его было толком не осмотреть. Я к тому, что эта зрелищная манифестация имперской власти, судя по всему, получилась сама собой. Добравшись до перевалочной станции на Вехе 2776, я вообще не видел Классиса, хотя, конечно, его очень легко найти. Просто следуйте по прямой как стрела военной дороге уклоном в шесть футов – глазом моргнуть не успеете, и вы там.

Особо отмечу – прибыл я не на экипаже военной почты.

Будучи почетным командиром инженерных войск, я имею на это право; будучи млеколицым (нас так называть не полагается, хотя все так и делают; мне-то всё равно; я люблю молоко), я не должен сидеть в одной карете с имперцами, это не принято – дорога от полустанка до полустанка длится шестнадцать часов, вдруг кто от вида моего занервничает. Конечно, они в мою сторону и слова не скажут. Робуры гордятся своими хорошими манерами; кроме того, назвать млеколицего млеколицым – акт предвзятости, от которого и до трибунала недалеко. Замечу, что никто никогда не сталкивался с официальными обвинениями на сей счет, что доказывает (вроде как): имперцы свободны от предубеждений. С другой стороны, несколько десятков офицеров резерва осудили и уволили за то, что они называли имперца синешкурым, так что сами судите, насколько они порочны и достойны презрения.

Нет, я проделал весь четырехдневный путь на повозке гражданского перевозчика. С экипажем военной почты, меняющим лошадей на полустанках каждые двадцать миль, мне потребовалось бы пять дней с небольшим, но моя повозка везла рыбу – чудесный стимул двигаться дальше.

Повозка с грохотом подкатила к средним воротам, я спрыгнул наземь и заковылял к часовому. Тот смерил меня угрюмым взглядом, потом – приметил мои офицерские петлицы. Я уже было решил, что меня вот-вот арестуют за то, что выдаю себя за военный чин (как будто впервой), но меня

пропустили – правда, пришлось отскочить в сторону, чтобы меня не задавила телега размером с собор. Классис.

Приемная моего приятеля клерка находилась в квартале 374, ряд 42, улица 7. О последовательной нумерации в отделе поставок явно слышали, но сомневаются в ее эффективности, так что блок 374 вклинен между 217-м и 434-м. Улица 7 ведет с улицы 4 на улицу 32. Впрочем, наверное, так и должно быть, тем более что я тут вполне могу найти дорогу, а я всего лишь строитель мостов – никто.

Клерка на месте я не застал. За его столом сидел робур без малого семи футов росту в молочно-белом монашеском одеянии. Он был лыс как колено и смотрел на меня так, будто я только что вывалился из-под хвоста дворняги. Я упомянул имя своего приятеля. Робур улыбнулся.

– Его переназначили, – сказал он.

– Он мне не рассказывал.

– О таком переназначении с гордостью не говорят. – Он оглядел меня с головы до ног; я уже думал, что он сейчас заглянет мне в рот и примется зубы изучать. – Чем могу помочь?

Я одарил его широкой улыбкой.

– Мне нужна веревка.

– Прости. – Он явно был счастлив. – Веревки нет.

– У меня при себе одобренная заявка.

Он выставил вперед руку, я показал ему свою бумажку. Уверен, он заметил, что печать поддельная.

– К сожалению, в настоящее время у нас нет веревки, – сказал он. – Но как только мы получим...

Я кивнул. В штабном колледже меня не муштровали, так что в стратегии и тактике я не смыслю ни черта, но знаю: если проигрываешь – лучше вовремя отступить.

– Спасибо. Прошу простить за беспокойство.

Его улыбка говорила, что он со мной еще не закончил.

– Оставь-ка этот свой запрос здесь.

С фальшивой печатью? Ищи дурака.

– Спасибо, но разве не нужно его отправить обратно по инстанциям? Я же не хочу влезать в арсенал без очереди.

– Думаю, порой можно и влезть. – Он снова протянул руку, и я подумал: «Черт!» А потом меня спасли враги.

История всей моей жизни. Счастливых случайностей на мою долю перепадает гораздо больше, чем я заслуживаю, – так что, получив гражданство, я указал Феликс как свое настоящее имя. Фортуна улыбалась мне почти на каждом повороте – а самая загвоздка в том, что ее агентами всегда выступали какие-нибудь плохие ребята. Судите сами – когда мне было семь лет, хусы напали на нашу деревню, убили моих родителей, а меня уволокли волоком и продали шердену, который и обучил меня плотницкому делу – тем самым утروив ценность – и перепродал на верфь. А когда мне исполнилось девятнадцать, через три года после перепродажи, имперская армия вздумала пойти с карательной экспедицией против шерденских пиратов. Угадайте, кто был среди плен-

ных, доставленных обратно в Империю, – флоту всегда отчаянно не хватает умелых рабочих на верфях. Мне разрешили вступить в армию, чем я и заслужил гражданство, и в двадцать два года я стал бригадиром. А затем пришли эхмены и захватили город, где я находился. Меня, одного из выживших, перевели в инженерный корпус, где теперь я имею честь быть почетным командиром. Такой вот у меня путь. Головокружительный взлет от безграмотного раба-деревенщины до командира полка в Империи – на совести хусов, шерденов, эхменов и, наконец, не в последнюю очередь робуров, жутко гордых тем фактом, что за прошедшие сто лет они убили более миллиона подобных мне. Один из городских уродских карго-культов из разряда «сегодня мы тут заправляли, а завтра всех нас разогнали» утверждает, что путь к добродетели пролегает через любовь к своим врагам. У меня с этим точно никаких проблем нет. Мои враги мне всегда помогали, им я обязан всем, что имею. А вот от друзей – впрочем, у меня их было немного – я не получал ничего, кроме боли и обид.

Я заметил, что робуру стало не до меня – он уставился в окошко. Я подступил поближе, заглянул ему через плечо и спросил:

– Это что, дым?

– Да. – Он на меня даже не оглянулся.

Пожар в таком месте, как Классис, – плохая весть. Любопытно, как люди реагируют. Мой собеседник, например, за-

стыл как вкопанный, а я вот что-то занервничал. Чтобы лучше видеть, как горит длинный амбар, из обоих окон которого дымило, я привстал на цыпочки.

– Что у вас там хранится? – поинтересовался я.

– Веревка, – ответил он. – Три тысячи миль.

Оставив его таращиться, я удрал. Армейская веревка про-smолена насквозь, а в Классисе у всех сараев вместо крыш – солома. Сейчас лучше держаться отсюда подальше.

Я выскочил во двор. Люди бежали во все стороны. Некоторые из них не были похожи ни на солдат, ни на клерков. Один из них бросился ко мне, потом остановился.

– Прошу прощения, – сказал я, – а не подскажете...

Он пырнул меня; я не заметил меча в его руке. Что за черт? Теперь он нацелился в голову. Может быть, я не самый проницательный парень на свете, но между строк читать умею: я ему не нравился. Я метнулся в сторону, дал ему по пяткам, а потом ударил ногой в лицо. Такого в инструкциях по строевой подготовке нет, но, когда тебя воспитывают работорговцы, образование выглядит примерно так. Прием напомнил мне о шердене-плотнике (собственно, он меня ему и научил); я подумал о пиратах, и тогда до меня дошло.

Я наступил человеку с мечом на ухо, надавил, пока что-то не хрустнуло – не то чтобы я затаил обиду, – и огляделся в поисках места, где можно было бы спрятаться.

Если происходит что-то без шуток плохое, всегда требуется время на осознание. Шерденские пираты беснуются в

Классисе? Да быть такого не могло. Я шмыгнул в тенистый проем и замер совершенно неподвижно. Если глаза не вращали, очень даже могло. От имперской армии проку было чуть – солдаты чересчур отвлеклись на борьбу с пожаром на веревочном складе и пиратам ничего и не стоило перестрелять их, пока они метались с ведрами, лестницами и длинными крюками. Никто, казалось, не понял, что происходит, – кроме меня, но я-то не в счет. Довольно скоро во дворе не осталось ни одного имперца. Пираты стали подтягивать повозки к большим сараям и грузить их всяким добром. В Классисе никогда не было недостатка в тележках. Надо отдать шерденам должное – работали они на совесть. Чтобы бригада докеров или складских рабочих загрузила двести тележек четвертого размера за сорок минут! Видимо, в этом и состоит разница между работой на себя и по найму.

Думаю, пожар был роковой случайностью – шерденам он точно доброй погоды не сделал. Он распространился от одного сарая к другим до того, как те успели разграбить, затем уничтожил главный конюшенный блок и каретные сараи, прежде чем ветер сменил направление и огонь перекинулся на казармы и второстепенные административные блоки. То есть прямо в мою сторону. К тому времени поблизости не осталось ни солдат, ни клерков – одни только пираты. Пришлось мне снять плащ, подивившись на большое красное пятно спереди – ах да, меня же мечом задела, подумаю об этом позже, – и стянуть с мертвого пирата халат. Натя-

нув его через голову, я с занятым видом устремился прочь из двора.

Правда, прогарцевав ярдов тридцать, я упал. Удивился поначалу, а потом дошло: а задели-то меня серьезнее, чем сначала показалось. Я чувствовал себя до смешного слабым и ужасно сонным. Затем кто-то навис надо мной – шерден с копьем в руке, – и я сначала весь напрягся, а потом подумал: «Да какая, на хрен, разница».

– С тобой все в порядке? – спросил меня пират.

Нет, повезло мне все-таки млеколицым родиться.

– Все путем, – отозвался я с земли. – Честно.

– Чушь собачья, – усмехнулся пират и рывком поднял меня на ноги. Приметил мои ботинки – жукодавы на толстой подошве – таких в простой лавке не купишь, – а потом я увидел, что он и сам в таких же. Пираты. Ботинки, снятые с мертвеца.

– Давай, – сказал он. – Обопрись на меня. Жить будешь.

Пират обнял меня за шею, потом обхватил за талию и повел к ближайшей повозке. Возница помог ему поднять меня, и они оба бережно уложили меня на огромную стопку кольчуг. Мой спаситель снял халат, свернул его и положил мне под голову.

– Верните его на корабль, там о нем позаботятся, – сказал он, и это был последний раз, когда я его видел.

Святая простота. Судя по тому, как быстро и эффективно грабители обстригали все свои дела, было совершенно

очевидно, что поблизости не осталось имперцев – кроме меня, с любовью уведенного от опасности моими врагами. Повозка с грохотом проехала через лагерь к среднему причалу. С каждой стороны было пришвартовано по дюжине кораблей. Возница не смотрел, так что я смог слезть с повозки и зарыться в большой моток веревки, где и оставался до тех пор, пока последний корабль не отплыл.

Некоторое время спустя появился военный шлюп. Я вовремя вспомнил, что стоит избавиться от шерденовского халата, спасшего мне жизнь. Он бы и стал моей последней одеждой, если бы это увидел кто-то из наших.

Именно по этой причине – одной в ряду причин – я решил написать эту историю. При обычных обстоятельствах я бы и не подумал, не предположил бы – кто я такой, чтобы брать на себя запись деяний и страданий великих людей, и так далее. Но я был там, не только на протяжении всей осады, но и в са́мом ее начале. Как я, возможно, уже упоминал, по жизни мне везло гораздо чаще, чем я заслуживал, и, когда – раз за разом – какая-то незримая рука выхватывает, так сказать, из-под колес и благополучно опускает на обочину, стоит спросить себя – а с какой стати? Наверное, подумал я, меня берегли для роли свидетеля. В конце концов, любой может свидетельствовать в имперском суде; даже дети, женщины, рабы, млеколицы, хотя, конечно, судья должен принять решение, какой вес придавать показаниям таких, как я. Если Фортуна рассудила, что я достаточно хорош для коман-

дования инженерными войсками, – возможно, сочтет, что и как историк я вполне себе ничего. Подумать только – сын погонщика с севера Бычьей Шеи увековечит свое имя на переплете. Это было бы нечто.

Я оказался не единственным выжившим. Заместитель квартирмейстера прожил достаточно долго, чтобы подтвердить бо́льшую часть того, что я сообщил, и пара рыбаков видели, как шердены нагрянули со стороны Северного пролива и встали у причалов. Они направились по каналу против ветра к военно-морской базе в Колофоне, где им никто не верил, пока не появился столб дыма.

Шлюп сплавил меня обратно в Колофон, где флотский ко-стоправ залатал меня, хоть не должен был – догадайтесь почему, – прежде чем отправить меня на судне снабжения в Малату, где есть больница для резидентов, лицензированная для лечения людей с кожными заболеваниями. Через пару дней мне до смерти надоели врачи, я выписался и на груженной углем повозке направился обратно в Город. Тут я влип – люди из Следственного комиссариата проследили меня аж до Малаты, чтоб взять показания, а меня на месте не оказалось. Одни беды от млеколицых!

Как только разведке надоело кричать на меня, я, пошатываясь, побрел повидать Фаустина – префекта Города. Он мне не то чтобы друг – не хочу добавлять ему проблем такими словами. Просто так вышло, что уделяет мне гораздо больше времени, чем подавляющее большинство робуров, и мы вместе работали над ремонтом акведуков. Фаустина я не застал

на месте – его вызвали на важное заседание Совета. Черкнув ему записку с просьбой о визите, я потащился в сторону холма, к муниципалитету, служащему мне чем-то вроде пристанища, когда я в Городе.

В качестве особой милости, оказанной мне личным заступничеством префекта Фаустина, я получил собственное жилье из фонда муниципалитета. Когда-то это был сарай для угля; потом, видимо, служил конурой для сторожевой псины. Исконно же здание было подворьем монастыря Огня, который построил Темрен Великий, чтобы возблагодарить за разгром робуров при Маркиане. Город – место с историей: где ни копни, везде что-то древнее. Как бы то ни было, мне разрешили держать там вещи, а почта и всякая всячина копится в старом сундуке без крышки, поставленном у двери. Неподалеку от сундука я соорудил из ящиков кровать (я же плотник, не забыли?). Не став просматривать письма, я забрался в кровать, зарылся в попоны и заснул.

Какой-то дурак разбудил меня – огромный, с головы до ног в позолоченных чешуйчатых доспехах, как огромная рыба, стоящая на хвосте. Он был не один.

– Вам чего? – Я зевнул.

– Полковник Орхан.

– Слушаю.

– Вас приветствует генерал Приск. Вас хотят видеть в Совете.

Это, конечно, была откровенная ложь. Генерал Приск не

хотел, чтобы я находился под его юрисдикцией, как он ясно дал понять, когда я был готов к повышению (но Приск тогда не был главным, слава богу). В частности, он не хотел, чтобы я входил в его Совет; жаль, у него не было права выбора в этом вопросе.

– Когда?..

– Прямо сейчас, полковник.

Я застонал. На мне все еще была окровавленная туника с дырой поверх грязно-белых бинтов из Малаты.

– Мне нужно умыться и переодеться, – сказал я. – Дадите мне десять минут?

– Нет.

Из немногих вещей, для которых тут хватает места, я храню запасной шерстяной серый плащ и красную фетровую шляпу – их я и надел. День был жаркий, и я понимал, что сварюсь в них, но – или так, или сидеть в Совете в кровавых лохмотьях. Воротилы в золотых латах окружили меня – в том никакой необходимости не было, но, сдастся мне, в них говорила сила привычки.

Военное министерство находится через четыре двери от Золотого Шпиля, слева. Пройдя через маленькую низкую дверь в унылой кирпичной стене, оказываешься в самом удивительном саду, полном лаванды, хлопка и невероятно красивых цветов. За садом находятся двойные бронзовые двери, охраняемые двумя самыми мощными солдатами, а за дверями – изобилие белого мрамора, такое яркое, что из глаз сле-

зы. Я понимаю, почему люди обижаются, когда я туда захожу. Я даже наполовину не понижаю тон.

И все же с вершины открывается великолепный вид. Море крыш – красная черепица, серый шифер, солома. Ничего зеленого или синего, одна лишь работа человеческих рук – от края до края, насколько хватает глаз. Нигде больше на земле такого не увидишь. Каждый раз, созерцая этот вид, независимо от ситуации, я понимаю, насколько мне повезло.

Однако из окна в зале Совета видно море. Генерал Приск сидел к нему спиной, а я занимал позицию главного наблюдателя. За его плечом я мог видеть рукава гавани, а за ними – ровную темно-синюю поверхность. Много парусов, но ни на одном из них не было красно-белых полос шерденгов. Во всяком случае, пока. Если бы я предложил поменяться местами с генералом, он бы подумал, что я пытаюсь пошутить, поэтому я держал рот на замке.

По-армейски лаконично и конспективно генерал Приск рассказал нам все, о чем мы и так знали: внезапное нападение агрессоров с моря, выживших нет, нанесен значительный ущерб зданиям и складам, ведется расследование, чтобы установить личности нападавших...

– Прошу прощения! – поднял руку я.

Краем глаза я заметил, как префект Фаустин поморщился. Вечно твердит он мне – не чини проблем. И он, разумеется, совершенно прав и принимает мои интересы близко к сердцу. Фаустин все время спрашивает меня – почему? От-

вет: понятия не имею. Я знаю, что это плохо кончится, и, видит бог, мне это не нравится. Мои колени слабеют, кишки вяжутся узлом, в груди дыхание спирает – слышу собственный голос и думаю: «Только не сейчас, дурень, только не снова»; к тому времени уже слишком поздно спохватываться, правда.

Все уставились на меня. Приск нахмурился.

– Что?

– Я знаю, кто это был, – ответил я. Ничему жизнь не учит.

– Знаете?..

– Ну да. Их зовут шерденами.

Когда Приск злился, он понижал голос так, что почти начинал мурлыкать.

– Есть ли какая-либо причина, по которой вы не сочли нужным упомянуть об этом раньше?

– Меня никто не спросил.

Фаустин крепко зажмурился.

– Что ж, – сказал генерал, – может быть, будете так добры и просветите нас сейчас?

Когда я нервничаю, я много болтаю и начинаю грубить. Это просто смешно. А вот если я вне себя от гнева, если кто-то пытается меня спровоцировать – голова моя льда холоднее, и я все держу под контролем, как возникший на Ипподроме своих лошадей. Паника же делает меня весьма самоуверенным. Черт знает что.

– Конечно. Шердены – вольная конфедерация, в основ-

ном изгнанники и беженцы из других стран, базирующиеся в устье Шельма на юго-востоке Пермии. Мы обычно называем их пиратами, но в основном они торгуют; мы много работаем с ними, напрямую или через посредников. У них быстрые легкие корабли – небольшого тоннажа, но прочные. Обычно они воруют только в трудные времена, выбирают легкие цели, где успех обеспечен – монастыри, уединенные виллы, в крайнем случае немногочисленные армейские форпосты или обоз серебряной руды из шахт. Однако, если бы у них был выбор, они предпочли бы покупать ворованное, а не грабить сами – им известно, что мы могли бы прижать их к ногтю за две минуты, если бы захотели. Но мы не хотим – как я уже сказал раньше, мы много работаем с ними. В принципе, они никому не мешают.

Адмирал Зонарас наклонился вперед и посмотрел на меня через стол.

– Сколько кораблей?

– Понятия не имею. Не моя область знаний. Мне известно только, откуда они – скажем так, наши пути пересекались. Военно-морская разведка должна знать.

– Я спрашиваю у вас. – Ох уж этот Зонарас, бессердечный тип! – Выскажите разумное предположение.

Я пожал плечами.

– Ну, я скажу – три-четыре сотни кораблей. Но поймите, речь идет о дюжине-другой мелких обособленных флотов. Нет никакого короля Шерденов, я имею в виду.

Приск бросил взгляд мимо меня, на стол.

– У нас есть какие-нибудь данные о количестве кораблей в Классисе?

Никто и словом не обмолвился. Такой прекрасный шанс помолчать выпадает раз в жизни, Орхан.

– Около семидесяти, – сказал я.

– Погодите.

Сострат, лорд-камергер. Если бы мы обсуждали сейчас гражданский вопрос, он сидел бы в кресле вместо Приска.

– Откуда ты все это знаешь?

Я пожал плечами.

– Я там был.

– Был?

– Именно. Я был в Классисе по делам и все видел своими глазами. – Тут по Совету пробежал бормоток. – Моя оценка основана на самом непосредственном наблюдении за их кораблями, пришвартованными в доках. С каждой стороны каждого из трех причалов стояло по дюжине судов. Шесть раз по двенадцать – это семьдесят два. Не думаю, что их могло быть больше – им бы просто не хватило места, и так-то было негде яблоку упасть. Возможно, другие суда прибудут, когда этот отряд закончит погрузки. Не знаю.

Симмах, имперский агент, спросил:

– Почему нам не доложили, что есть свидетель?

Генералу это настроения не подняло.

– Свидетель, по всей видимости, до сего момента не на-

шел уместным высказаться. Но лучше поздно, чем никогда. Вам, Орхан, лучше рассказать нам о том, что произошло, как можно более полно.

Я собирался указать на то, что в Колофоне с меня и так уже стрясли все, что нужно, но Фаустин – мысли он, что ли, читать умеет? – энергично затряс головой, будто корова, которой докучают слепни. Ну да, он прав. И я рассказал Совету обо всем еще раз: от пожара до спасения имперцами. Когда я закончил, повисла долгая пауза.

– Мне все видится довольно простым, – сказал адмирал Зонарас. – Я могу вывести Пятый флот в море через четыре дня. Они позаботятся о том, чтобы эти шердены больше никогда нас не беспокоили.

Все покивали – как будто ветер покачал полевой клен. Кровь застучала у меня в затылке. Хоть сейчас промолчи, умолял я себя.

– Прошу прощения...

После того как заседание Совета окончилось, я попытался слинять вниз по холму, но Фаустин меня нагнал-таки – у самого фонтана Калликрата.

– Ты с ума сошел?

– Всего лишь сказал правду.

Он закатил глаза.

– Конечно, правду! Дело же не в этом, а в том, что ты разозлил каждую хоть сколько-нибудь важную шишку.

– Я все равно никогда им не нравился, – парировал я, по-

жимая плечами.

– Орхан, послушай, – так ко мне никто не обращается, – котелок у тебя варит как надо, и поэтому ты – уникальное явление для этого города. Но с манерами твоими надо что-то срочно делать.

– С манерами? А что не так?

Почему я раздражаю единственного робура в Городе, который может вынести мое присутствие? Извините, не знаю.

– Орхан, ты должен что-то с этим сделать, пока не попал в серьезные неприятности. Знаешь, в чем твоя проблема? Ты так полон обиды, что она сочтется из тебя как молоко из недоенной коровы. Демонстративно отворачиваешься от людей – конечно, так они скорее умрут, чем сделают то, что ты им скажешь, даже если это правильно и разумно. Знаешь, если Империя когда-нибудь рухнет, это запросто может случиться из-за тебя!

Ну да.

– Знаю, – кивнул я, – испортил хороший совет тем, что посмел его дать.

Это вызвало у Фаустина невольную улыбку.

Что мне нужно сделать – так это попросить кого-то еще, кого-то, кто бы не мучил так воду и мог говорить за меня. Тогда люди будут слушать.

Лицо префекта стало каким-то деревянным.

– Ну не знаю, но вот если б ты только поменьше грубил... Я вздохнул.

– Кажется, тебе бы не помешало выпить.

Фаустин всегда создает такое впечатление, на самом деле. На сей раз, однако, он покачал головой.

– Слишком занят, – сказал он, очевидно имея в виду, что слишком занят, чтобы рисковать появиться со мной на публике еще по крайней мере неделю.

– Подумай о том, что я сказал, ради бога. Слишком многое поставлено на карту, чтобы рисковать провалом только из-за твоего несчастного характера.

Справедливое замечание, и я действительно серьезно думал об этом всю дорогу вниз по Холмовой улице. Беда в том, что я был прав. Все, что я сделал, – указал, что Пятый флот никуда не отправится в течение довольно долгого времени. Адмирал Зонарас сказал, что это для него новости; я указал, что, поскольку все снасти и доски для бочек – всё, что находилось в сарае рядом со складом веревок, как я узнал у флотского костоправа, прежде чем меня вышвырнули, – обратилось в дым, флоту придется...

Так, ладно, здесь необходимы пояснения. Это называется «необходимые складские запасы» и считается, что это ежегодно экономит армии целое состояние. У нас есть шесть флотов по триста двадцать кораблей в каждом. От корабля самого по себе толку мало: ему нужны мачты, паруса, весла, снасти, всякие припасы, из которых самое важное – бочки для хранения пресной воды. Без бочек с водой корабль не может отойти далеко от берега из-за необходимости заправ-

латься один раз в день, в жаркую погоду – дважды. И если бы у каждого корабля было свое снаряжение – вы наверняка сильнее меня в арифметике, посчитайте, – это все вышло бы в кругленькую сумму. Поскольку в море задействованы обычно только два (в чрезвычайной ситуации – три) флота и поскольку комплекты снаряжения у них взаимозаменяемы (а это тоже непростая задача), кому-то пришла в голову революционная идея. Итак, один флот – дивизион Внутренних войск, постоянно дежурящий на охране проливов, – был полностью укомплектован во все времена. Остальные пять делили два полных набора снаряжения, для удобства и скорости развертывания хранящиеся на складах Классиса, готовые к выдаче в любой момент, когда кому-то понадобится их использовать.

Очевидно, Зонарас был в курсе. Но, даже зная что-то, вполне можно не думать об этом. Или, может быть, адмирал прекрасно понимал, что не сможет спустить на воду ни одного корабля теперь, когда снасти и бочки превратились в пепел, – но не хотел, чтобы о том прознали остальные в Совете. В любом случае, он назвал меня проклятым лгуном, круглым идиотом и уймой других нехороших слов – правдивых, что уж там, но едва ли имеющих отношение к насущному делу. Генерал Приск прямо спросил его: сможешь послать флот в Пермию или нет? И Зонарас сделал единственное, что мог в данных обстоятельствах: вскочил, бросил на меня сердитый взгляд, скрежетнул зубами и вышел из ком-

наты не сказав ни слова.

На том заседание закончилось. Оно и к лучшему, думаю, — я и так нажил себе целую телегу неприятностей. Если бы члены Совета не разбрелись в замешательстве кто куда, я мог бы поднять еще несколько вопросов касательно погрома в Классисе — что, вполне возможно, стоило бы мне головы.

И вот я оказался в Городе, в безвыходном положении. Собственно говоря, поскольку мои дела тут закончились, следовало вернуться в штаб и плотно засесть за бумаги. Но я почему-то чувствовал, что это не самая блестящая идея. Немыслимо, чтобы генерал, адмирал, камергер или один из начальников дивизий и многочисленных штабов устроил убийство служащего офицера Империи, когда тот ехал бы домой один по пустынным дорогам через вересковые пустоши. Но даже в такой упорядоченной империи, как наша, есть бандиты, уволенные солдаты, беглые рабы, недовольные крестьяне, религиозные фанатики и просто психи, готовые перерезать вам горло за гвозди в подошвах. Порой должностные лица, за которыми значился статус неудобных или несговорчивых, попадались на их пути. Так что я решил выждать день-другой, а после влиться в торговый караван или группу паломников. Провидение лучше не искушать без повода — и, как говорил один мудрец, судьба как монашка — не стоит ее искушать.

Конечно, в Городе тоже нет недостатка в ворах, сумасшедших и несчастных случаях, но здесь легче предпринять шаги по уменьшению рисков. Например, если хочешь уйти от гнева управы – обратиться к тем людям, кому управа обычно платит за устройство вендетты.

Я избирателен в выборе друзей, поэтому стараюсь держаться подальше от убийц, грабителей, взломщиков и вымогателей. Ничего не имею против мошенников, но они умнее меня и всегда готовы к работе, поэтому обычно я схожусь с фальсификаторами, копиистами, фальшивомонетчиками – голубая кровь.

Поэтому я отправился на Старый Цветочный рынок. Если вы никогда не были в Городе, обратите внимание: вопреки названию, цветами на рынке том не торгуют. Как и почти вся городская номенклатура, это название отражает дела давно минувших дней, а вовсе не то, что там происходит сейчас. Чтобы избежать сомнений, цветы – единственное, что на рынке не купишь. Жизнь или смерть – запросто, никаких проблем. Простой букет роз – нет, извините. Старый Цветочный рынок построен на руинах целого района, провалившегося под землю полтора века назад, – оказалось, что построили его прямо над подземной рекой, протекающей через середину холма, на котором стоит Холмовая улица, и в ко-

нечном итоге выходящей в залив.

Я зашел в «Собачий дуэт», сел в самый дальний от очага угол и попросил пиалу чая и тарелку медовых кексов. В «Собачьем дуэте» никто никогда не заказывает чай.

Примерно через минуту она вышла ко мне и села напротив.

– У тебя крепкие нервы.

– Уже знаешь о том, что было утром на Совете? Впечатлен.

– Понятия не имею, о чем ты. – Она раздула ноздри: недобрый знак. – Люди какие-то заходили сюда, искали тебя.

Ее зовут Айхма, и я знал ее отца много лет назад, когда тот был капитаном Зеленых. Мы с ним служили вместе, пока он не бросил тянуть лямку и не пошел в гладиаторы. Как и я, на избранном поприще он преуспел, пройдя путь от пушечного мяса до верховоды Тем за каких-то шесть лет. Я скучаю по нему. Когда Айhme было четырнадцать, я сказал ей, что на смертном одре ее папа взял с меня обещание позаботиться о ней. Конечно, это была ложь; на деле он сказал что-то вроде «держись подальше от моей дочери, или я оторву тебе голову». Да и никакого смертного одра не было – он истек кровью на песке под одобрителный гвалт и ор семидесяти тысяч стадионных зевак. Странно, наверное, так умирать.

– Если это не чины, волноваться незачем, – сказал я.

Айхма пожала плечами.

– Два северянина и млеколицый. Я им честно сказала, что

тебя не видела.

Я расслабился. Млеколицый был моим деловым партнером. Сделки у меня примерно следующего характера. Правительство выдает мне зарплату для подчиненных золотом. Я же им плачу серебром – шесть торнезе на человека ежемесячно. За один золотой гистаменон дают сто шестьдесят торнезе. Из-за нехватки серебра на монетных дворах не существует законного способа произвести нужный мне обмен. Кто хочет возглавить монетный двор – покупает должность у канцлера за большие деньги, которые еще предстоит как-то отбить. Но такие хлопоты ни к чему – моя зарплата составляет лишь десятую часть процента от всех отчеканенных монет. На чеканку золотой монеты уходит ровно столько же времени и сил, сколько на серебряную или бронзовую. Поэтому дворы заготавливают много-много золотых, ровно столько, сколько необходимо, серебряных и ноль целых ноль десятых бронзовых. Армейские полки заботятся о мелочи сами, оттискивая грубые, ужасного качества медяки из расплюснутых обрезков труб. Поэтому, когда мне нужно серебро, чтобы заплатить подчиненным, я обмениваю правительственное золото на не совсем правительственное серебро, которое беру у честных торговцев вроде того млеколицего и пары северян – по особому, довольно выгодному (для меня) курсу. И теперь, думаю, понятно, откуда у меня столько знакомств на Старом Цветочном рынке. И почему именно я добился успеха в здешней коммерции – ведь от имперца

голубых кровей и кожных покровов мои честные торговцы дали бы отчаянного дёру.

– Что-то плохое у тебя случилось? – спросила Айхма не сводя с меня глаз.

– Что-то чертовски скверное, – кивнул я.

Она вздохнула. Ее время – деньги, но, когда мне нужно поговорить, Айхма его находит и слушает. Она кивнула разлившику – тот, скорчив унылую мину, пошел наполнять чайник.

– Политика?

– Что-то вроде того, да.

– Меня все это не интересует. Я просто зарабатываю себе на жизнь.

– Ты умная, – сказал я.

Улыбка у нее на редкость скупая.

– Снова играешь в свои игры? Заставляешь меня говорить то, о чем сам думаешь.

– Ага, но ты – хороший игрок. Потому что умная.

Тщеславие – ее единственная слабость. Она знает, что красива, потому что мужчины говорят ей об этом снова и снова, и это не приносит ей ничего, кроме раздражения. Но я – единственный, кто говорит ей, что она умна.

– Ладно, выкладывай.

– Слышала, что случилось в Классисе?

Она кивнула:

– Пираты разграбили склады, так?

– Верно. Теперь подумай – почему это меня так волнует?

Когда Айхма о чем-то думает, она совершает особый ритуал. Опускает голову, словно в молитве, смотрит на свои руки. В такие моменты говорить с ней не о чем, можно даже не пытаться – все равно ни слова не уловит. Когда след взят, она начинает хмуриться. Когда ей кажется, что орешек расколот, – она выпрямляет спину и смотрит на меня в упор.

– Ну?.. – закинул пробный невод я.

– Что именно они украли?

«Девчонка – золото», – подумал я.

– Точно не знаю. Кое-что подслушал в имперском лазарете, но меня там продержали недолго. Судя по всему – военные поставки.

– В смысле?

– Сапоги, одеяла. Триста бочек чешуи для изготовления доспехов. Две тысячи ярдов палаточной ткани. Телеги с кольями для частокола. Семь тысяч подшлемников. И всё в таком духе.

Она медленно кивнула.

– Допустим, я делец. Трачу много денег на корабли и экипажи, зная, что, как только имперский флот сядет на хвост, а такое рано или поздно случится, – мне несдобровать. И что же я получу за все риски? Сейчас прикинем. Колья для частокола – это просто...

– ...дрова? Растут на деревьях?

– Не перебивай. Но да, именно так. Ткань для палаток

сгодится на пошив одежды, но только для бедняков, которые много не заплатят. Подшлемники? – Айхма развела руками. – Бесплезная ерундень. Никто не купит такой товар по прибыльной цене.

– Кроме?..

Она быстро кивнула.

– Ну да, кроме армии или правительства. Но правительства не крадут свои запасы у других правительств, это слишком рискованно. Да и дешевле самому все сделать, заказать у своих же мастеров – на них проще давить, чем на разбойников, значит, поставки пойдут без перебоев.

Она знает много умных слов. От меня нахваталась, правда, лщу я себе.

– Что это значит?

– Погоди... я еще думаю. Пираты крадут много барахла, которое не сбудешь легко, да еще и с таким риском. Значит... – Она наклонила голову, как будто какой-то невидимый помощник только что дал ей ответ. – ...Воровство по заказу?

– Но заказ – не правительственный, как мы уже решили.

Она потерла большим пальцем ладонь. Ее отец делал так, когда был зол или смущен.

– Конечно. Тогда – это кто-то, кто пока не у власти, но...

– ...очень хочет туда попасть. – Я щелкнул пальцами. – Твой отец всегда говорил, что ты проникательная.

Айхма насупилась.

– Погоди, это все равно какая-то бессмыслица. Просто предположим, что и правда есть кто-то, желающий создать армию с нуля. Допустим, он на Излучине укрылся или где-то на юге. Вольный вояка. Но ведь все необходимое можно просто купить на аукционе излишков. Дешево.

Я улыбнулся ей.

– Ага, можно. Еще проще – оплатить тысячу умелых рук и открыть фабрику. Но он этого не сделал. Почему?

Айхма снова углубилась в думы. Принесли чай. Я заполнил до краев пиалу, отставил в сторонку – поостыть.

– Деньги, – промолвила наконец она. – Настоящие наличные деньги. Кто бы заказчик ни был – у него их сейчас нет.

– Но пираты тоже не станут горбатиться за спасибо... – Я осекся. Взгляд Айхмы засиял – так бывает, когда на нее снисходит озарение.

– Должно быть, это долгосрочное партнерство, – медленно произнесла она. – Сейчас денег нет, работа на особых условиях. Но в будущем она их озолотит. Подход, не обо-то и присущий шерденам, – добавила она. – Слишком организованно, если понимаешь, о чем я. Дальше «завтра, к полудню» эти ребята не заглядывают.

– Я тоже так думал. Ну и что?

– А то, что сделка должна быть диво как хороша. Им посулили золотые горы.

Она во многом похожа на своего отца. Храбрая, верная, добросердечная, острая как нож и скользкая как угорь. Но

он был обаятелен.

– Если интересно, – заметил я, – первое, что они сделали, прежде чем пуститься во все воровские, – спалили такелажный и бондарный склады.

– Корабельное снаряжение, на которое уж точно бы нашелся покупатель.

– Или они могли использовать его сами, но будь я проклят, если им не велели поступить именно так.

– Чтобы имперский флот не смог нагнать их.

– Да, какое-то время – уж точно.

– Таков был план, – твердо заключила Айхма. – Сначала остановить флот, уж потом грабить. – Она уставилась на меня. – Вот это уже интересно.

– Еще как. Я всю ночь об этом дельце думал, вместо того чтобы сны смотреть. Флот выведен из строя на короткое время, но, вполне возможно, и этого хватит. Думаю, наш загадочный злоумышленник предпримет следующий шаг совсем скоро.

– И у него – вся наша амуниция, а у нас самих – хрен да редька.

Я кивнул.

– Да, из-за идиотских особенностей снабжения. Одним камнем этот пройдоха расшиб два хребта. В краткосрочной перспективе мы парализованы – что армия, что флот. Он уже готов, а мы – еще нет. Напрашивается вопрос. Кто он такой?

– Ни эхмены, ни оксены нипочем не наняли бы пиратов.

Кроме того, зачем им война с нами? У них полно дел с собственными дикарями. – Она покачала головой. – Извини, но вот тут в голову никакие версии не идут.

– Ты просто не очень умная – вот и все.

Она смерила меня взглядом, в котором отчетливо читалось: ты дурак, но я тебя прощаю. Я отхлебнул чаю. В «Собачьем дуэте» это абсолютно непрофильный напиток – один я его здесь и пью, строго говоря, – а поди ж ты, какое качество! На первых глотках – освежает, у самого доньшка – крепко бодрит.

Чай растет на землях эхменов – и только он там и хорош. Еще одно благословение, дарованное мне врагом, – только сейчас заметил.

– Так к чему это все? Ты боишься? – спросила Айхма.

– Еще бы, – хмыкнул я.

Она бросила на меня презрительный взгляд.

– Какое тебе дело? Ты всего-навсего досточтимый плотник.

– Так уж прям – «досточтимый». Я волнуюсь, потому что люди, которых такие дела должны волновать, сидят и в ус не дуют. Тут, как ни крути, стоит прикинуть кронциркуль к астролябии...

Айхма вздохнула.

– С тобой болтать мне по душе, – призналась она, – но в остальном ты смутьян. Мой папа, помнится, говорил: не позволяй этому типу открыть рот, иначе он тебя задурит по

самые кончики ушей.

– Благослови его Господь.

Теперь она уделяла мне все свое внимание.

– Зачем ты это делаешь? – спросила она. – Почему приходишь сюда и заставляешь меня думать о куче вещей, не имеющих ко мне никакого отношения? Мне это надоело. Для тебя-то такие дела – как партейка в шахматы. Ты все знал заранее, но заставил и меня узнать.

– Твой отец – он был умнейшим человеком из всех, кого я встречал. Но его здесь больше нет, – сказал я, – остаешься ты.

Она ответила улыбкой – без капли желчи или яда.

– На это я вот что скажу. Когда он однажды заболел – взял с меня одно обещание. Он сказал: «Присмотри за Орханом, проследи, чтобы с ним ничего не случилось». Забавный поступок – мне тогда было всего двенадцать.

– И ты пообещала?

– О да. Поэтому, – уперев локти в стол, Айхма подалась вперед, – скажи мне, что ты собираешься предпринять?

– Я-то? Ничего. Мы же выяснили, это не мое дело.

– Когда тебя это останавливало?

– Ничего я не буду делать. Если только им мост не понадобится вдруг – уж тогда-то я змеей закручусь.

На самом деле она обожает такие беседы. Я слишком хорошо ее знаю. Ей нравится время от времени разминать мозги. Женщинам в Темах не дозволяется занимать офицерскую

должность, но слишком многие башковитые мужи из Зеленых проводили часы в «Собачьем дуэте», болтая с хозяйкой, – и, бывают же такие совпадения, Зеленые впервые за последний век забрались высоко.

Погодите-ка, вы, наверное, не очень много знаете о Теммах. Это понятно, если вы не горожанин. По верхам-то, наверное, слыхали – есть на Ипподроме две враждующие клики: у одной фавориты – Синие, у другой – Зеленые. И каждая клика болеет за своих в боях на мечях и гонках на колесницах. По крайней мере, так все начиналось. Потом, около четверти тысячелетия назад, Синие организовали фонд помощи для вдов и сирот своих бойцов. Само собой, Зеленые учредили то же самое. Немногим позже они расширили фонд, чтобы присматривать еще и за иждивенцами участников Тем: платишь несколько трохи каждую неделю в банк, и, если наступают трудные времена – получаешь небольшую помощь, пока снова не встаешь на ноги. Столь благое намерение, конечно же, не могло не пойти в гору – равно как и не могло в итоге не вымостить дорожку в ад. Вскоре казначеи Тем контролировали гору активов, инвестированных в судоходство и производство – простолюдины не могут владеть землей. Деньги принесли власть, которая не всегда использовалась мудро и честно. Затем Зеленые начали организовывать рабочую силу в доках, Синие сделали то же самое в перевозках и на госслужбе среди низших чинов. Вскоре правительство, устранившись этой третьей силы, попыталось

взять ситуацию под контроль, что и привело к Бунту Победы – двадцать тысяч человек погибло тогда на Ипподроме, когда вменялись войска префекта. С тех пор Темы залегли на дно. Держать фонды и своих людей на разных местах им строго запрещено, но с каких это пор запреты мешают какой-либо деятельности? Кроме того, если вы заболаете или сломаете ногу, вас либо выручат Темы, либо вы подохнете с голоду. Отец Айхмы сделал много хорошего и много плохого, был попечителем фонда Зеленых и довольно весомой личностью – до самой своей смерти на Ипподроме. Я наивно полагал, что он заработал достаточно, чтобы обеспечить свою дочь на всю жизнь, но оказалось, что он спустил всё состояние так же быстро, как и заработал: еле-еле хватило купить ей «Дуэт». На самом деле и на него бы не хватило, не приди на помощь полковой фонд. Деньги, выделенные на покупку трех тысяч лопат, тихо канули в неизвестном направлении, но кому эти лопаты нужны, их у нас навалом. Кстати, я всегда был за Синих – пока не познакомился с отцом Айхмы. Так что, читатель, люди порой пересматривают свое мнение даже по самым фундаментальным вопросам совести.

С фальшивомонетчиками я встретился следующим днем, и мы обстряпали хорошую сделку. В чем преимущество Старого Цветочного рынка над монетным двором – с ним можно договориться. Правительство утверждает, что за один гистаменон нужно давать сто шестьдесят торнезе, но в реальном мире их мнение не имеет большого веса – важно лишь то, что правительственное золото имеет девяносто седьмую пробу, что добавляет мне веса в переговорах. Мои деловые партнеры были слегка на взводе в тот день – надо думать, потому, что инцидент в Классисе беспокоил людей из поставок, а золото – лучшее на свете успокоительное. Я заимел с ними уговор на двести шестнадцать отменных, во многих отношениях лучших, чем настоящие, серебряных торнезе, за один мой золотой легальный гистаменон, тем самым заимев солидный люфт в полковой фонд – так, на черный день. О том фонде никто, кроме меня, не знает. Вот почему я могу перекупать услуги других подразделений, платить своим ребятам, когда казначейство конфузится, носить хорошую обувь, прошитую нитками, которые не рвутся, когда снабжение уходит в экономический «запой». Так можно завоевывать себе расположение в армии, когда ты не чей-то племянник и хронически болен не тем цветом кожи. В этой игре я хорош, так что жаловаться ни на что не собираюсь.

Адмирал Зонарас скорее откусил бы себе одно ухо, чем признался, что слушал меня, так что, должно быть, это было совпадением, что Первый флот был снят с охраны пролива и отправлен в устье Шельма. Там они никого не застали – все мелкие рыбацкие деревушки обезлюдели, лодки и неводы канули, загоны для скота опустели, и даже ни одна псина там не тявкала. Имперцы подожгли несколько плетеных сараев, что, я полагаю, не хуже любого другого способа убедить непросвещенных дикарей в превосходстве нашей культуры и образа жизни, а затем вернулись домой. По дороге чистое невезение – шторм потопил три корабля и разметал остальные. Флоту потребовалась неделя на перегруппировку, еще неделя – на латание дыр, и они отправились прямо в Залив. Я улучил момент поговорить с мичманом на одном из головных судов эскадры, и он сказал мне, что вблизи мыса Суидас его команда наблюдала поднимающийся в воздух дым.

Раз этот дым шел вверх – значит, безветрие. Значит, кому-то сильно не повезло, что штиль наступил прямо у мыса – такое бывает, никто не знает почему. Тут вот какая загвоздка: Первый флот – в основном галиоты и дромоны, дюжие громадины с акрами парусов, быстрые и проворные, но только когда дует ветер. Шердены, напротив, пользуют утлые маленькие галеры, по двадцать весел на один борт, с одним большим квадратным парусом: когда нет ветра, они запросто могут грести. Именно на веслах они и проплыли прямо мимо Флота, а тот был не в силах остановить или догнать их.

Человек, с которым я разговаривал, сказал, что он насчитал восемьдесят семь кораблей – все притопленные, груженные до отвала добром, награбленным в сожженном Салпинксе.

Какой же я, черт возьми, дурак. Не утешает и то, что адмирал Зонарас тоже этого не предвидел. Салпинкс служит – служил, извините, – единственной цели: там разгружаются идущие с Излучины крупногабаритные баржи с углем. Каждый месяц – тысячи тонн для снабжения кузниц и литейных цехов Арсенала. Понятно, почему дым стоял коромыслом – так, что видно было издалека. Очевидно, шердены там не особо торопились – загружали свои маленькие корабли до отвала, затем поджигали то, что осталось, и спокойно делали весла. Удача была на их стороне. Если бы не шторм и последовавшее за ним затишье, они бы наткнулись на имперский флот у Колонн – и делу край. Предполагаю, что тот, кто планировал операцию, рассчитывал на то, что ребята Зонараса приложат немного больше усилий, чтобы найти кого-то, кого можно убить в устье реки. И все же фортуна благоволит храбрым.

К этому моменту я был сыт по горло Городом. Я нанял три большие повозки, чтобы отвезти мое сомнительное серебро обратно в Какодемон, где располагался штаб полка, – можно было и по морю отправить, но что-то я засомневался в разумности такого способа доставки. Хотелось убраться из Города раньше, чем Приск созовет Совет еще раз, поэтому я поймал попутку с Эйнаром, королем металлолома, до Лусо и

нанял лошадь в «Единороге». Ненавижу ездить верхом – не саму езду, а день после, – но что-то подсказывало мне, что нужно вернуться к своим людям и найти какое-то занятие на некоторое время, желательно – где-то далеко, куда весточки доходят не сразу.

Я коплю работу на черный день как раз для таких случаев. Примерно девять месяцев назад какой-то паршивец из Академии затребовал, чтобы мы построили ему мост в Зубовных горах, на полпути к Излучине. У меня были дела поважнее – таскаться по горным тропам, волоча следом дивизион на тот же манер, на какой улитка волочит за собой раковину, как-то не улыбалось, – и я написал ему в ответ, что график у нас плотный, а вот как выдастся лишний часик – так мы сразу и нагрянем. Что ж, часик выдался. Парни не были в восторге от перспективы из благоустроенного Какодемона двинуть надолго в гористую глушь, но у меня случился один из моих спорадических приступов глухоты, и мы отправились в путь.

Не буду утомлять рассказом о наших приключениях, когда мы строили понтонный мост через реку между двумя сторонами крутого оврага, при тумане и проливном дожде – единственно ради того, чтобы нашему мальчику из Академии не нужно было закладывать десятимильный крюк, когда вздумается отправиться в погоню за юбками в ближайшем городке. Получилось прекрасное инженерное сооружение, поверьте на слово. Мы сделали его из некондиционных и подручных материалов, так что дивизии он не стоил и ло-

маного трохи; весь ущерб ограничился парой сломанных рук и россыпью ушибов – а это отнюдь не самый плохой показатель, когда работаешь над семидесятифутовой пропастью, у которой на дне – бурные ревущие пороги. Но все равно это была пустая трата времени и сил, и от моих подручных это не укрылось. Разговоры затихали, когда я подходил к костру; меня заваливали уймой неудобных вопросов, к чему я, честно говоря, не привык. Хорошо хоть, что работяги мне доверяли – иначе не миновать бы мне конфуза.

В этой глуши порой единственная форма новостей – профиль нового императора на монетах. Солдаты, для которых мы строили мост, не получали известий от дивизии в течение трех лет; им даже не платили, поэтому они проводили бо́льшую часть своего времени, пася овец и окучивая капусту. У молодого офицера на левом запястье бугрились шрамы – бедолага от скуки попытался вскрыть вены. Поэтому я не получил никаких достоверных данных о произошедшем в Салпинксе, пока мы не закончили мост и не перебрались неспешно в Маудуру, где взялись починить протекающий акведук. Там я свіделся с человеком, которого немного знал, – он рассказал мне, что смотритель маяка видел, как пиратские корабли выскользнули из-за пелены мглы и, без проблем миновав очень опасную зону отмелей, нагрянули на Салпинкс с северо-запада. Припугнув тамошних работяг, они заставили их загрузить свои суда под завязку, затем – согнали всех в здание главного склада, заколотили входы и

выходы и подпалили крышу.

Удивительно, но двое человек выбрались живыми – и прожили достаточно долго, чтобы дать показания под присягой магистратам. Без сомнения, налетчики были шерденами. Все это я уже слышал, но для меня новостью стало то, что пираты, нагруженные до планшира, нашли время на обратном пути уничтожить маяк на Лестничных скалах. Если вписать этот штришок в общую картину, станет ясно, что Второй флот, что должен был со дня на день вернуться в наши гавани из рутинного рейда, не сможет миновать отмели, пока маяк не восстановят, – и окажется заперт в долгосрочной ловушке на другой стороне пролива.

Я склонен держать свои мысли при себе – вот почему я часто хмурюсь, – но иногда приятно иметь кого-то, при ком можно подумать вслух, и, когда я с Корпусом, эта незавидная роль достается капитану Бауцесу. Если спросите его, ответит, что я считаю его безобидным тугодумом, которого, при должном терпении, можно натаскать выполнять простые задачи. Но это не так, конечно. Вообще, Никифор Бауцес – не абы кто, а потомок невероятно древнего и прославленного рода Фока. Его семейная ветвь – хотя «ветвь» слишком громкое слово, лучше бы подошло «побег» или «выюн» – угодила в тугой переплет порядка семидесяти лет назад; у них все еще есть маленькая деревня и разваливающийся старый особняк в Паралии (все иконы и гобелены распроданы, сырость погубила собрание бесценных древних

фолиантов). По Нико можно понять, какими, должно быть, были Фока пятьсот лет назад, в период расцвета, потому что он... ну, если вы никогда не встречали живьем типичного имперца, а читали исторические романы, где о них рассказывается, то Нико вас не разочаровал бы. В нем шесть футов и девять дюймов росту, плечи у него как у быка, он лыс как колено, если не считать дурной бородки (усов, понятное дело, нет). Он без труда подымет заднюю часть грузовой телеги шестого типа, с места подпрыгнет на высоту собственного роста – и все в таком духе; лишь взгляда на него мне хватает, чтобы утомиться. Он прочитал все лучшие книги и понял примерно пятую часть из прочитанного, что совсем неплохо. Он трудолюбивый, добросовестный, учтивый, уважающий традиции, стремящийся учиться, с прекрасными манерами, храбрый как лев – все то, чем я сам похвастаться не могу. Однажды он может стать компетентным инженером. Нико был бы типичным примером своей расы и класса, за исключением того, что я ему, похоже, нравлюсь и у него проблемы со зрением (он не всегда может отличить коричневый цвет от розового). Иных отклонений за ним не замечено – пока не увижу доказательств обратного, я вынужден сделать вывод, что он нормальный парень.

У Нико есть способность распознавать, когда меня что-то беспокоит. Естественно, он слишком вежлив, чтобы хоть слово сказать, но он приноровился стоять и смотреть себе под ноги. Поскольку он занимает много места, его трудно

игнорировать или обходить стороной, поэтому приходится с ним разговаривать.

Мы только-только закончили увязывать снаряжение после ремонта акведука. Работа Нико состоит в том, чтобы обойти все фургоны, убедиться, что все надежно прилажено и правильно уложено, а затем доложить о том мне. Беготня после работы – напряженное занятие, и, пока Нико вершит последние проверки, мне нравится улизнуть в свою палатку, поджать ноги, закрыть глаза и ни о чем не думать, по крайней мере час – одному, без помех. Единственное, что мне действительно не нравится в моей работе, – то, что люди постоянно окружают меня, с того момента, как просыпаюсь, до тех пор, пока не закрываю глаза и не засыпаю. Это неестественно. Итак, обычно Нико просовывает голову за полог палатки, говорит «все готово» или просто кивает и уходит. На сей раз, однако, он вошел и встал передо мной, как одна из тех декоративных колонн в пустыне; если бы он носил на голове философа-аскета вместо шляпы, сходство было бы идеальным.

– Что такое? – вздохнув, спросил я.

Он посмотрел на меня своими коровьими глазами.

– Что-то случилось, – протянул Нико. Констатация факта, а не вопрос.

– Почему ты так решил?

– Да взять хотя бы наше нынешнее задание. Мосты, акведуки... Генералы месяцами пилят нас, чтоб мы лучше трудились в Городе, а ты тащишь нас в глушь протянуть мост

для чертова младшего офицера.

Я подпер щеку кулаком и посмотрел на него.

– Вот как?

Он кивнул.

– Насколько все плохо? – спросил он.

Нико огромен; когда мы вместе, я похож на его младшего брата или на его любимую обезьянку. Несмотря на это, бывают моменты, когда я чувствую непреодолимое желание защитить его от всех плохих вещей, которые вполне могут произойти с людьми чистыми и благонамеренными. Но он – капитан имперской армии, то есть человек в достаточной мере бывалый, чтобы управиться с большинством невзгод.

– Не очень.

– Вы были на заседании городского совета.

– Ага, всех собак повидал, и генерала Приска во главе своры.

– И потом – увели нас на заработки в глушь.

– Возможно, это еще не самая глушь. Скажи-ка, когда ты учился в Академии, вам же рассказывали про генерала Алектуса?

Нико кивнул.

– Ага. Седьмой век. Когда Империя была захвачена Бел-Семпланом, генерал Алектус командовал Третьей армией в Бессагене. Он провозгласил себя императором и управлял Бессагеной как независимым государством в течение двадцати шести лет, пока империя не восстановилась и не изгна-

ла Семплана. Тогда Алектус сдался, вернул империи свою провинцию и был казнен за измену. А почему вы спрашиваете?

– Интересный был человек, – сказал я, – одна из теорий заключается в том, что Алектус решил, что Империи крышка, и захватил Бессагену, чтобы хоть где-то, пусть даже и у черта на куличках, сохранился малый очаг цивилизации робуров, когда все остальные огни погаснут один за другим. Конечно, это неправда, но – красивый же замысел.

Нико посмотрел на меня:

– Настолько все плохо.

С того места, где я сидел, открывался хороший вид на унылую, продуваемую всеми ветрами пустошь и ужасные остроконечные горы. Я терпеть его не мог – слишком напоминал о родине.

– Мы могли бы остаться здесь, – сказал я. – Ты же видел тех людей в форте, где мы построили мост? Они больше не солдаты, они фермеры. Мы могли бы присоединиться к ним. Нас там сколько, три тысячи человек? Мы могли бы купить или украсть три тысячи женщин, построить охрененно большую стену через перевал Одонтис. Сельское хозяйство – едва ли трудная наука, раз даже варвару оно под силу. Тогда нас не подхватит потоком истории, и хоть где-то, да останется надел, пусть даже и неправомерно наш, закрепленный за робурами. Главное – беда пройдет стороной. Как думаешь, хороший план?

Придвинув к себе табуретку, Нико сел.

– Настолько все плохо, – повторил он.

– Если мы вернемся, – сказал я, – есть хороший шанс, что нас вернут в Город, чтобы укреплять стены. Как только мы окажемся там – не думаю, что у нас будет еще один шанс ускользнуть. Если случится что-то плохое, нас швырнет в эпицентр бури.

Типично для Нико – не спрашивать меня, что именно стоит за словом «плохое». Раз я в том уверен, так оно и есть.

– Я бы предпочел быть скорее Геннеусом, чем Алектусом, – сказал он после мрачных раздумий, продлившихся где-то минуту.

Я улыбнулся. Геннеус, бежавший на одном корабле из горящих руин Моа, заложил краеугольный камень народа робуров. Он бился до самого последнего и даже когда все-таки решил сбежать – нашел время забрать своих стареньких родителей и святыни. Так утверждает миф, и я склонен трактовать его следующим образом: Геннеус выжил только потому, что, задолго до остальных прозрев обреченность Моа, тайком выкопал тоннель для побега, в существование коего не посвящал никого, кроме родных и самых близких друзей. Но это не та версия, которую Нико слышал на коленях у своей бабушки. «Долг», «надежда». Боже ж ты мой.

– Ответил бы ты иначе, – сказал я, – не будь это место настоящей глушью?

Нико ухмыльнулся.

– Возможно. Но это – глушь!

Я вздохнул.

– Никто не хотел строить мост в Байонии, – сказал я, – вполне справедливо. Пойдем домой и наберемся храбрости. Вольно!

Он неопределенно улыбнулся мне, взял свой шлем (очень яркий и блестящий с виду, но я-то знаю – Нико приобрел его из вторых рук у братьев Колиас), отдал честь и убрался восвояси. И чего я искушал его? Хотел, чтобы он одобрил мою идею на самом деле. Нико бы не одобрил, тут и думать нечего. В конце концов, он мой друг – помните, что я говорил о моих друзьях?

Вот еще один пример в руку. Был у меня в детстве лучший друг, Огуз его звали. Он был славным парнем – быстрее всех бегал, бросал дальше всех камни, а в шесть лет ему уже спокойно поручали стричь овцу в одиночку. Его все любили, но почему-то нравилось ему водиться со мной – мелким, неряшливым, ни на что не годным. У меня всегда была склонность к спокойной жизни и избеганию неприятностей, но вот Огуз... он и дня не мог прожить, чтобы не поднять шум. Кроме того, он был, что называется, прирожденный лидер – я многому научился у него в этом отношении. Даже сейчас, когда я не знаю, как заставить людей делать то, что я хочу, я спрашиваю себя – а что бы сделал Огуз?

Ну не важно. Во времена моего детства на участке земли, что когда-то был садом, при доме, давным-давно пого-

ревшем, росла исключительно красивая яблоня. Росла сама по себе. Загвоздка была в том, что участок этот выпадал аккурат на границу между домом отца Огуза и их соседом. Сосед тот был убогий человечиска, и из-за яблок, растущих на дереве, постоянно с отцом Огуза ссорился. В итоге разрешить вопрос о принадлежности яблони попросили сельсовет – и сельсовет, будучи органом власти, принял такое решение, которое никому не понравилось и все только ухудшило: дерево должно быть срублено и сожжено, чтобы предотвратить дальнейшие разногласия. После отец Огуза и сосед снова поссорились из-за того, кто именно будет рубить яблоню, и так простояла она до самого плодородного сезона. Плоды уродились кислее кислого и годились разве что для пирога, но Огуз решил их снять, а уж потом – думать, что с ними делать позже. Он спланировал тщательно скоординированную операцию, в которой, конечно же, участвовал я, несмотря на то что несколько раз твердо сказал ему: «Нет, Огуз, в последнее время у меня было достаточно неприятностей, и я не хочу вставать между твоим стариком и тем ублюдком ни в коем случае». Короче говоря, мы отправились с большой плетеной корзиной его матери грабить яблоню. Я должен был стоять на стреме, пока он лезет наверх и тырит. Мы наполовину заполнили корзину, когда появился злосчастный сосед со своими тремя жутко свирепыми собаками. Огуз мигом слетел с дерева и перемахнул три поля за считанные мгновения – ему даже не понадобилась моя отмашка. А вот я, само со-

бой, угодил аккурат в заросли шиповника и там застрял. Когда выпутался – собаки уже окружили меня, рыча и топорща шерсть. Если б я хоть моргнул – они от меня и клочка не оставили бы. И вот подошел тот сосед, посмотрел на меня как-то странно и свистнул; собаки дали заднюю, хотя им явно хотелось довершить начатое и сделать мир чуточку лучше.

– Ты Орхан? – спросил он меня.

– Он самый.

– Все ищут тебя, сынок. Тебе лучше вернуться домой, прямо сейчас. С твоей сестрой несчастье приключилось.

Я упоминал о своей сестре? Вероятно, нет, так как она не имеет никакого значения для истории; она умерла, когда мне было шесть, – упала со стены и разбила голову, когда я воровал яблоки вместо того, чтобы за ней присматривать. Как бы то ни было, убогий сосед отца Огуза проводил меня до дома; он молчал, пока мы не оказались у самой двери, а прежде чем уйти, посмотрел мне в глаза и сказал:

– Не вини себя, сынок, такое случается.

Позже я узнал, что его младший брат провалился под лед много лет назад, когда они ловили угрей, и он ничем не смог ему помочь.

Враги и друзья, помните?

Мы вернулись в Какодемон после семи недель отсутствия. За это время ситуация порядком изменилась.

Я недооценил адмирала Зонараса. Никогда бы не подумал, что ему удастся найти пиратов. Но он это сделал. Он собрал достаточно амуниции, чтобы запустить три из пяти эскадрилий Третьего флота, и направился к Колоннам. Небольшая поправка: не он нашел пиратов, они нашли его. Они, должно быть, собрали все корабли на севере; даже в этом случае Зонарас превосходил их числом вдвое, и его галиоты должны были прорваться сквозь них как кулак сквозь слоеный торт. Но пираты развернулись и дали деру. Зонарас поплыл за ними прямо в узкий пролив между Колоннами; его корабли держались друг к другу так близко, что можно было безбоязненно прыгать с палубы на палубу. Как раз в тот момент пираты подожгли дюжину бесполезных старых барж, груженных хлопковыми отходами, ламповым маслом и мукой, и запустили прямо к флотилии Зонараса. Ветер дул в нужную сторону – пламя распространилось по имперским кораблям быстрее, чем бежал среднестатистический юнга. Флагманский корабль и еще трое сумели выбраться и уйти. Остальные прогорели до самой ватерлинии менее чем за полчаса. Течение в тех краях отвратительное, не самое подходящее для плавания. Пираты подобрали пару сотен вы-

живших — и только.

Очень плохо. У нас все еще имелось в достатке судов, зато — ни парусов, ни снастей, ни якорей, ничего к ним. Величайшая морская держава из всех, когда-либо виденных миром, теперь находилась в таком положении, что не могла спустить на воду ничего крупнее плоскодонки, пока не починят маяк на Лестничных скалах и не выведут Первый флот с другой стороны пролива. Кстати, об этом: шердены нанесли на маяк повторный визит, там вырезали ремонтную бригаду в полном составе и утопили огромную кованую люльку, полную горящего масла, дающую пламя, позволяющее осветить безопасный проход через пролив. Интересное развитие событий — не хватило квалифицированных инженеров, дабы установить ее, выровнять и откалибровать из-за того, что какой-то идиот увел весь свой корпус в глушь, перекинуть дурацкий мостик.

Если что, мне и впрямь было стыдно. Мы торопились вернуться, но не осмелились идти морем — и преодолели долгий марш. Маяк находился на дальней стороне пролива. Я чувствовал себя так, будто играю в шахматы против кого-то, кто действительно знает эту игру. Против Империи орудовал недюжинный ум — не та вещь, которую ожидаешь найти, имея дело с...

Ну да. С млеколицыми. В общем, нас отправили чинить чертов маяк. Стоит ли говорить, что мы к нему так и не добрались?

Мы одолевали длинный подъем к точке Мелиас, когда увидели всадника, мчащегося к нам по склону. Я увидел, как он покачивается в седле, и подумал, что он, должно быть, пьян. На нем была моряцкая фетровая шляпа – но такую можно купить в любом баре. Едва он подобрался поближе, я увидел, что его правая рука прижата к животу.

Моряк моряком, рукой он держал живот, чтобы серые клубки кишок не выпали у него из брюха. И лицо у него было кишкам тем под стать – пепельно-серое. Мы попытались помочь ему слезть с лошади, но он все кричал зачем-то, чтобы мы от него отошли.

– Успокойся, приятель! – сказал я ему. – Среди нас есть врачи.

– Нет времени, – мотнул всадник головой. – Слушайте! Пришлось послушать.

Надвигался шторм, поэтому флот остановился в Рикасе. Капитаны отправили людей на берег – морскую соль те глотали уж несколько недель кряду. Сразу после восхода солнца нашего гонца разбудили громкие крики и беготня. Поднявшись с койки, он глянул на гавань – и обомлел. Шел проливной дождь, и небо было алым: его флотилия полыхала. Он понятия не имел, кто тому виной, и у него не было возможности выяснить; кто-то, чьего лица он не разглядел, рубанул его саблей и оставил умирать. Он потерял сознание, а когда пришел в себя, повсюду были мертвые тела. Каким-то образом он нашел в себе силы вскочить на ноги и двинуть-

ся вперед, и странная удача вывела его к лошадке, оседланной и взнузданной, щипавшей травку на низком пригорке. От напряжения в процессе посадки на лошадь внутренности полезли наружу, но он решил – хрен с ним, и поскакал прочь так быстро, как только получалось. Он понятия не имел, как долго ехал, а потом наткнулся на нас – и потом он умер.

Храбрый человек. Не скажу, что на его месте предпринял бы и половину того, на что сподобился он. Как можно догадаться, все мы были ошеломлены. Долгое время никто не разговаривал, потом Нико принялся болтать о горящих кораблях. Я велел ему заткнуться и вести себя так, будто ничего не случилось, – мы были на глазах у ребят, а солдат не должен слышать плохих вестей ни от кого, кроме командира.

Мы похоронили моряка под грудой камней, а затем я отправил вперед на лошадях двух своих наиболее смекалистых молодых лейтенантов.

– Выясните все, что сможете, – велел я им, – но что бы ни случилось, нельзя, чтобы вас увидели.

Остальным я приказал организовать привал и проверить боекомплекты – хоть какое-то отвлечение.

Парни вернулись среди ночи. Они выглядели испуганными до смерти. Они проехали по прибрежной дороге до... уж не упомяну докуда, но суть в том, что долина им явилась как на ладони и со стороны Рикасы дым валил валом. Они попытались решить, как лучше спуститься туда, когда увидели группу всадников, проскакавших под самым горизонтом –

примерно в семидесяти ярдах от них. Наскоро сойдя с дороги, они провели лошадей через заросли утесника и папоротника, прошли по дороге примерно на полмили вниз и как сумасшедшие поскакали назад к колонне. Они сказали, что не очень хорошо разглядели всадников, но сошлись в одном – это были млеколицы и они были в доспехах.

Инженерный корпус – полноправная часть имперской армии, но насчет собственной боеспособности мы не обманываемся. Мы носим оружие, которое в основном используем для того, чтобы вскрывать ящики и пугать гражданских, но в Корпусе все согласны, что, если имперцы хотят, чтоб мы лезли под чьи-то реальные шашки, – пусть платят нам побольше. Мы развернулись так же быстро, как и расквартировались (если не быстрее) и вернулись тем же путем, каким пришли.

У инженеров это называется не бегством, а «упорядоченным отступлением» или просто «передислокацией». Передислоцировавшись, мы двинулись, как выводок зайцев, вниз по длинной прямой и обратно к краю откоса Спендона, и в этот момент мне в голову пришла блестящая идея.

– Знаешь что, – сказал я Нико, который только что вернулся из арьергарда, – давай-ка срежем путь через лес. Сэкономим пятнадцать миль.

Он бросил на меня удивленный взгляд.

– Это незаконно.

Ну да, так оно и было. Спендонский лес был приватным

охотничьим заповедником императора.

– И ладно, – сказал я, – давайте нарушим закон. Еще лучше будет, если враг за нами погонится – а мы его прищучим за незаконное вторжение в частные угодья.

Нико не нравится, когда я смеюсь над ним.

– Скорее нас прищучат, – сказал он, – кроме того, с тактической точки зрения...

Я закатил глаза. Спендонский, мать его, лес – это же практически пригород.

– Мы идем через лес – и точка. Оповести остальных.

Он сухо кивнул.

– В таком случае разрешение сформировать людей в колонну и выслать разведчиков.

«Прошу вас». Но, полагаю, когда твоя голова находится почти в двух метрах от земли, мысли формулируются так.

– Нет, – сказал я.

Нико, цыкнув зубом, отправился выполнять.

Спендонский лес больше не существует, так что вам придется поверить мне на слово; но он был прекрасен, если вы любите природу и все такое. Он покрывал пологую долину, спускающуюся к реке; тонкие старые искривленные дубы щеголяли такой густой листвой, что света сверху было не видать, и, если не считать редких зарослей толстого остролиста около упавших деревьев (отличное укрытие от диких кабанов), передвигаться получалось довольно свободно. Дорога, естественно, шла вдоль реки. Она была вымощена до-

рожным камнем и достаточно широка, чтобы по ней могли проехать две кареты. Отличала ее и ровность, а там, где она пересекала Спен, довольно широкий и глубокий в том месте, был настоящий мост из свай и досок, который построил один из моих предшественников, и очень хорошую работу, замечу, проделал. Мы неторопливо прогуливались по одной из аккуратно подстриженных дорожек, проложенных егерями его величества – с комфортом, в приятной прохладной тени, среди солнечных лучей, косо падающих между изогнутыми ветвями.

– Кто-то был здесь недавно, – сказал вдруг Нико.

– Надо думать, его величество преследует оленя, – заметил я.

– Тут много людей прошло.

– Ты когда-нибудь видел его охотничью свиту? Там целая кавалерия.

Я заостряю внимание на этих деталях, потому что я – честный свидетель, особенно для обвиняющей стороны. Я все еще думал тогда, что Нико дурака валяет, суется по пустякам. Но потом мы свернули за поворот и увидели мертвые тела.

Позже мы с Нико обсудили увиденное, и он признался, что подумал о том же, о чем и я: тут поработали разбойники. Все тела были раздеты догола – по цвету кожи сразу же стало понятно, что перед нами имперцы. Нико решил, что в засаду, не приведи господи, угодил сам император, а я по-

ставил на купеческий караван, решивший, как и мы, срезать, и заплативший непомерно высокую цену.

– Мы должны сообщить обо всем, когда вернемся, – сказал Нико. – И похоронить их как следует, конечно... хотя, может, и не стоит нам ничего тут двигать – вдруг захотят послать следователей, и...

Мне пришла в голову третья возможность. Я положил руку ему на плечо.

– Говори потише, – полушепотом произнес я, – вот и умница.

– Думаете, тот, кто это учинил, еще здесь?

Я посмотрел на него.

– Чертовски надеюсь, что нет.

Он в ответ выпучил глаза, затем кивнул и направился обратно, чтобы передать остальным: держимся вместе, тише воды ниже травы. Я подумал – может быть, будет разумнее сойти с этой дурацкой дороги. Но у нас большие повозки, вьючные животные и все это тяжелое оборудование. В конце концов, на тех ребят взаправду могли напасть простые бандиты.

Я цеплялся за эту мысль, и с великой жалостью расстался с нею, когда мы выбрались на длинный прямой участок дороги – ведущий к мосту, которого там больше не было. Именно там, полагаю, прошла основная атака; спрятавшись в густых зарослях остролиста по обе стороны дороги, недруг захватил колонну с флангов и тыла. Пара залпов стрелами –

практически в упор, — потом дроботики, в ближнем бою в дело пошли копья и топоры... По крайней мере, кое-кто из шагавших впереди колонны пытался переплыть реку — много тел при полном вооружении мы нашли запутавшимися в тростниковых зарослях и корнях мангровых деревьев. Остальные завязли в бою — думаю, так оно и было, но, даже если и ошибаюсь, ни малейшего значения это уже не имеет. Все тела были раздеты догола. Мы не стали их считать — на это ушел бы весь день, — но, по моим прикидкам, их там было от шести до семи тысяч. Мы не нашли ни одного млеколицевого в горах мертвецов, так что своих павших недруг убрал и похоронил где-то еще. Не думаю, что задачка отняла у него много времени.

Настоящие солдаты к подобным зрелищам привычны. Я — не солдат, я строю мосты. Поэтому, когда Нико потерял меня из виду, я ускользнул куда-то в сторонку, чтобы проплеветься в скромном уединении. Увидев заросли остролиста под сенью высоких ясеней, я направился прямо к ним — и там столкнулся лицом к лицу с генералом Приском и с большинством его старших офицеров.

Буквально — лицом к лицу. Наши враги содрали с черепов лица убитых солдат и приколотили их к ясеням на высоте человеческого роста — как беличьи шкурки на просушку. Храбрость — не моя отличительная черта. А вот Нико ее не занимать, и, когда он со всех ног рванул выяснить, чего это я кричу, это зрелище ударило его точно молотом, у него по-

догнулись колени, и он с глухим ударом сел прямо на свою аристократскую задницу, что заставило меня почувствовать себя немного лучше – некоторое время спустя.

В то время, однако, я был так напуган, что даже не мог плевать. Казалось, что в моем теле не осталось ни единой косточки. Я схватил Нико за руку, поднял его на ноги и потащил обратно на дорогу.

– Ни слова, – прошипел я ему на ухо, – никому.

Он только кивнул – увиденное лишило его дара речи. Впервые за все время его корежило прямо у меня на глазах, и уж точно не мне было его винить.

Каким-то образом я заставил колонну двигаться. Двойная защита, разведчики – всё по учебнику воинского дела. Но мы, конечно, никуда не спешили, ибо мост был уничтожен. Излишне говорить, что нам по плечу было поправить ситуацию – мы же спецы по мостам, – но мне такой маневр и в голову не пришел. Зато один младший лейтенант, чей котелок в этих кошмарных обстоятельствах каким-то чудом варил получше, указал след, по коему в явной спешке ушло большое количество людей.

Мой разум намертво встал, но я кое-как заставил его снова работать. Я велел парням по максимуму разгрузить повозки и отпустить выючных мулов. Так десятки тысяч единиц хорошего военного снаряжения остались на условно вражеской (а какой иначе ее считать теперь?) территории, но, честно говоря, мне было плевать. Налегке мы двинулись по этой

проторенной тропе, надеясь и молясь, чтобы люди, проложившие ее, оказались нашими – и все еще живыми. Хватило бы, в принципе, и одного условия из этих двух.

Дорога вела вверх по склону примерно на милю, затем вниз в небольшой провал, и именно там остатки армии, около шести тысяч человек, приняли свой последний бой. Они вновь угодили в крайне неблагоприятные условия – провал был окаймлен остролистом, из зарослей которого было чрезвычайно удобно пускать стрелы и дротики. Имперцы угодили в «котел», и их судьба решилась в очень короткий срок. Я сразу понял, что это, верно, был последний бой, потому что, как только он закончился, враги нашли время отпраздновать, выпустить пар. Они отрезали мертвецам головы, руки и члены, сложили их в три высокие аккуратные стопки. Около дюжины несчастных душ – пленников, полагаю, – прибили гвоздями к деревьям: их тела стали мишенями для соревнований в метании копий. Как и прежде, тела раздели, с некоторых содрали кожу; на одну из пик насадили голову молочно-белой лошади. Видимо, каждый развлекается, как может. Должен признать, они заслужили это право.

Среди многочисленных талантов Нико имеется и способность к быстрым подсчетам.

– Тринадцать тысяч, – промолвил он. – Какова численность городского гарнизона?

Я смолчал, потому что он знал ответ так же хорошо, как и я. Каким-то образом этим ублюдкам удалось заманить ге-

нерала Приска со всей армией на эту бойню. Значит, город остался без должной защиты.

По дороге в Город никто не говорил много, что меня вполне устраивало. Мне нужно было подумать.

Мало того, что они избавились от всей имперской армии на имперских же владениях – так еще и обзавелись тринадцатью тысячами комплектов пластинчатых доспехов – само собой, лучших в мире. Шлемы, щиты, что-то около четверти миллиона стрел, сделанных по науке, с очень тщательным контролем качества, тринадцать тысяч пар отменных сапог, столько же туник из чистой шерсти, плащи, брюки, рюкзаки, круглые фетровые шляпы и хлопчатобумажные шарфы – такие, что препятствуют натиранию шеи кирасой, – всё это перешло к врагу. Ну и еще не следует забывать о кастрюлях для готовки пищи, подвесах для этих чертовых кастрюль, плотницких, кузнечных, медицинских, ткацких и оружейных инструментах. Храбрым парням на службе у Империи – все самое лучшее; да, на дальних рубежах этот лозунг порой звучит издевкой, но только не здесь, в самом сердце, где всё – именно так, как на словах. Избалованные – не слишком сильное слово. Готов биться об заклад, что новые владельцы этого набора столько вещей никогда в жизни не видели в таком объеме и в одном месте. И никакого хлама – таким качеством – только гордиться.

В такой час – думать о материальных объектах? Стыдись,

Орхан. Ну да, только все эти объекты будут иметь прямое отношение к тому, что произойдет дальше. Это уже не просто орда устремленных к победе варваров, а орда варваров с лучшим оружием и снаряжением, какое только за деньги купишь. Если со всем этим добром они уже не ринулись к Городу – у них что-то с головами не в порядке. А мы как раз направляемся в Город. Есть над чем подумать.

И мы думали.

– Нет никаких гарантий, – изрек один из моих капитанов, на которого у меня никогда не было много времени, – что Город все еще стоит. Если армию они разбили играючи...

– Не городи глупостей, – перебил его Менас, снабженец. – Им нипочем не миновать нашу стену. Уж не первую тысячу лет стоит. Нужны таранные составы, минеры...

– Кто сказал, что у них нет? – огрызнулся капитан. – Как же вы не понимаете? Мы о нем ничего не знаем. Да и потом...

– Думаю, Менас все же прав, – тихо сказал Нико. – Стена остановила эхменов семдесят лет назад, а у тех была вся артиллерия мира. С той поры не изобрели ничего, что могло бы оставить в ней хотя бы вмятину.

– Отлично, – бросил один лейтенант, специалист по глинокопням. Он был сильнее прочих потрясен тем, что увидел. – Вот они сидят у стены, следят, чтобы никто не вошел и не вышел. И тут появляемся мы. Как думаете, сколько мы продержимся?

Я прочистил горло. Обычно я молчу, пока не приму решение, и позволяю им всем выговориться.

– Мы должны вернуться в Город.

Капитан яростно сверкнул очами в мою сторону.

– Со всем уважением...

Я поднял руку.

– Возможно, он прав. Может быть, слишком поздно. Пока никаких причин закрывать ворота не было. Если они пошлют вперед отряд, одетый как гражданские, – смогут легко миновать часовых. И да, – я посмотрел на испуганного лейтенанта, – если они окопались у стены, мы никак не сможем пройти мимо них и попасть в Город. Тем не менее нам нужно вернуться. Больше нас нигде не ждут.

– А что насчет флота? Экипажи военных кораблей – хоть кто-то должен уцелеть!

Я качнул головой.

– Их единственная забота сейчас – поражение в море. У них нет причин думать, что на суше дела тоже плохи. На их месте я бы не спешил возвращаться в Город. И к тому времени, когда новости дойдут до них, все, вероятно, так или иначе закончится.

Нико посмотрел на меня.

– Если генерал Приск мобилизовал всю стражу, то за Городом следит сейчас только стража.

– Верно, – согласился я. – Шесть сотен продажных полицейских. Вот почему мы уходим, как только рассветет.

Я встал ровно и огляделся, давая понять, что больше ни от кого ничего не намерен слышать.

– Поэтому предлагаю напрямь воображение и представить, что все мы тут – солдаты, а не кучка инженеров.

Никто ничего не ответил. Парни начали расходиться. Видит бог, я не мог винить их за отсутствие духа. С их перспективы мир грозил рухнуть. Не мой, конечно, потому что я не робур, с Городом связан довольно-таки поверхностно, и, вообще, я без труда могу себе вообразить мир, где Города нет и в помине. Мужчины и женщины на небольших фермах в местах, которые не найдешь ни на одной карте, но где солнце встает и садится, лето следует за зимой, пшеница и ячмень каким-то образом умудряются расти, коровы дают молоко и телятся, – и все это – без помощи или разрешения императора. Нико и его соотечественникам такое попросту недоступно; они не могли представить мир без Города так же, как я не могу представить мир без солнца. Нет, честь по чести, могу – темно, холодно, тихо, все равно что в могиле, ведь все хорошее, что есть в жизни, навеки отнято.

Мне хотелось хорошенько выспаться в ожидании долгого и трудного дня, но сделать это мне было не суждено. Около полуночи, когда я наконец закончил все планирование и выяснение того, что нужно сделать, и уже собирался лечь и закрыть глаза, кто-то вдруг негромко постучал по стойке пола моей палатки.

– Кто там? – со вздохом спросил я.

Вошел Нико, а с ним – еще три офицера. Думаю, эти щедрые по натуре ребята, имея за душой жирную такую бессонницу, решили поделиться ею и со мной. Я повернул на еще теплой лампе рычажок подачи фитиля.

– Ну что там у вас?

Они посмотрели друг на друга. Затем Стилико – капитан, очень хороший инженер, двадцать лет службы, но никаких шансов на повышение, – кашлянул как-то влажно, как умирающая овца.

– Мы не хотели говорить при других, – сказал он.

– Понимаю. Так что у вас на уме?

– Если серьезно, – он посмотрел на меня, – как вы думаете, насколько все плохо? На самом деле.

– Честно? – Я закрыл усталые глаза и потер веки. – Честно – не знаю. Может, Приск был не настолько глуп, чтобы оставить Город без защиты, пока армия искала ветра в поле. Может быть, ему удалось вызвать другое подразделение, и когда мы доберемся туда, то обнаружим, что стены ошетились остриями копий, а амбары полны до отказа. А может, и нет. Может быть, все, что мы там найдем, – пепелище, камня на камне не осталось. Или, возможно, станем единственными из имперского войска, кто сможет проникнуть за стену, прежде чем осадные лестницы будут подняты. Кстати, – добавил я, – кто-то еще понял, что мы оставили все наши инструменты и оборудование? Всё то, что нужно, если хочешь построить катапульту, осадную башню, таран...

У Нико отвисла челюсть. Я простил его. Обычно-то ума ему не занимать.

– Сто тридцать бочек гвоздей, – сказал я. – Двадцать семь пятитонных лебедек. Если каким-то чудом выберусь отсюда живым – напости мне казнить себя за халатность.

Поняв, что делу мой треп не помогает, я умолк. Повисло неприятное молчание. Тут Артавасдус (ему всего девятнадцать, отец подмазал нужные колеса, чтобы парень попал именно в инженерные, но ум остер как лезвие) отчеканил:

– А давайте вот что прикинем. Гипотетически. Если не в Город – то куда?

После этих слов я сразу понял, зачем эти трое собрались у меня.

– Если не в Город, – ответил я, – тогда – назад к побережью, ну а там, я думаю, – каждый своей дорогой. У нас есть изумительное преимущество: мы все – люди опытные. Мы плотники, каменщики, кузнецы, мир любит таких ребят, и нас всегда где-то не хватает. Взять хотя б меня. Даже когда я сам себе не принадлежал – я был ценен. Это наш настоящий философский камень. Способность отпиливать прямые доски превратила меня в чистое серебро в чьем-то кармане, и именно так я стал полковником гребаного полка. Так что у побережья мы пожмем друг другу руки, пойдем туда, куда позовет нас сердце, и у нас будет долгая счастливая жизнь, полная осознания собственной полезности. Уж поверьте мне – для таких, как мы, главное – договориться, а там уж что

удобно с рук сойдет. И всем будет плевать на цвет кожи – так что даже ребята вроде вас, синешкурых, будут востребованы, когда все прочие представители вашего вида будут кормить ворон. – Я улыбнулся Артавасдусу. Удивительно, что он не вцепился мне в горло – так сильно он меня в тот момент ненавидел. – Или мы можем вернуться и попытаться спасти ваш город, ваш народ, вашу расу. Всё в ваших руках. Я соглашусь с тем, чего хотите все вы, парни.

Нико дышал через нос как бык. Стилико выглядел так, словно я только что засунул руку ему в штаны. Оставался Гензерик. Его кровь голубее черничного сока, но он проштрафился по-крупному восемь лет назад, и его списали в инженеры. Вообще-то мне он нравится, нормальный парень. Сейчас он выглядел, как будто вzybучий песок наступил.

– Ну так что? – спросил я его.

– На самом деле, – сказал Гензерик, – мы уже поговорили и решили, что все, что вы решите, нас устроит.

Я кивнул.

– Хотите переложить бремя вины на меня. Разумное решение. В конце концов, для этого я здесь. Что ж, я возвращаюсь. А вы все можете делать то, что считаете нужным.

– И зачем ты туда рвешься? – выпалил Артавасдус, все еще пылая гневом. – Ты же сам только что сказал – это не твой город, не твой народ. Такие, как ты, будут как раз по другую сторону стены. В этом нет смысла.

Я поднял руку.

– Артавасдус, прости, что назвал тебя синешкурым. Я сделал это только для того, чтобы убедиться, что ты слушаешь. Я возвращаюсь, потому что это мой долг. Вам не нужно идти со мной, потому что долг – самая дрянная причина для самоубийства. Более того, я предполагаю, что четыре тысячи перепуганных парней снаружи ведут один и тот же разговор сейчас. Что бы мы ни решили, мы должны их убедить, поэтому предлагаю без отлагательств принять решение, а затем прояснить ход мысли. – Я опустил руку. – Ваше слово.

Нико оглянулся; теперь он говорил от лица робуров.

– Все наши хотят держаться вместе, – сказал он. – Считают, что, если разделимся, – пропадем поодиночке. Варвары просто перебьют нас, без шансов. В конце концов, глупо отрицать, мы и впрямь выделяемся в толпе.

Я сделал вид, что на мгновение задумался.

– Хорошо. В таком случае, если мы будем держаться вместе, куда бы мы ни пошли, мы окажемся в осаде. Так что имеет смысл отправиться туда, где стены повыше. Можете так всем и передать – от моего лица, – добавил я.

– Мы скажем им, что вы идете домой.

Я пожал плечами.

– Если хотите.

– Наши последуют за вами куда угодно. Сами знаете.

На самом деле я не знал, пока он не сказал это, и у меня на мгновение перехватило дыхание. Одно мне кажется бессмысленным – любовь. Она не приносит никому ничего хо-

рошего. Тот, кого любишь, или подводит тебя, или умирает. В любом случае ты мучаешься. Какой, черт побери, в этом смысл? Как я уже говорил – в моей жизни враги помогали, а друзья – источник бед.

Но с моими подопечными я говорил честно. Сама суть моего верховенства над ними в том, чтобы вина, в случае чего, легла на меня. И если они последуют за мной из любви – называйте как хотите, верностью, доверием, но все сводится к любви – и умрут, я буду виноват. Я буду держать ответ. Вот почему Империя платит мне большие деньги – чуть меньше, правда, чем флейтисту из придворного оркестра.

– Если ты думаешь, что это поможет, скажи им все, что захочешь, – сказал я. – Ну а я, пожалуй, пойду спать.

Все четверо ушли, преисполненные мрачной торжественности, как надо, и я остался со своим чувством вины. Почему? Да потому, что у меня в рукаве была припрятана одна карта – и я про нее не рассказал им. Не шибко сильная карта – валет, если не десятка. Но если бы я о ней упомянул – они взлелеяли бы надежды, а надежда, по моему мнению, тоже находится в списке вредного – пункта на два ниже любви. Так что я позволил себе обольститься надеждой, чтобы им не пришлось.

Почти наверняка вы умнее меня самого, и все уже всё поняли сами. А я на тот момент ни хрена не понимал, равно как и Нико с его тремя приятелями; даже если кто-то и понял, мне не доложил. Имей в виду, читатель, мы были уставшие как собаки – да еще и напуганы до усрачки. Не лучшее состояние, так ведь? Отдай мне должное – ибо я проснулся примерно через час и все осознал от начала и до конца.

Тринадцать тысяч голых мертвецов. Допустим, часовой на городской стене заметит вдали блики на шлемах и накопниках копий. Что он подумает? Спорить готов – что-то вроде: «Ага, а вот и генерал Приск возвращается, наверняка задал жару этим варварам». И после такой мысли, само собой, будет дана команда – ворота открыть.

Как близко они подойдут, прежде чем кто-нибудь увидит, что их лица и руки не того цвета? Лично я бы для верности велел своим солдатам в захваченном обмундировании все открытые участки кожи натереть грязью. Интересно, наш хитрый враг – настолько хитер? И кто он, черт подери, такой?

Наступил тот особый час ночи, когда просыпаешься, начинаешь волноваться, и сна тебе уже не видать как своих ушей. Я зажег лампу и просмотрел свои записи на утро.

Прежде чем мы отправились в путь, я сделал то, что делаю

редко, – приказал им построиться.

Приказ, полагаю, напугал их – заставил осознать, что они теперь солдаты. Парни выстроились в идеальную линию, тихие и неподвижные как сама смерть. Я оглядел их сверху вниз. Помоги нам бог.

В зеленом углу – минимум тринадцать тысяч великолепно экипированных воинов, только что перебивших целую имперскую армию в безупречно разыгранной засаде; в углу синем – четыре тысячи перепуганных плотников. Почти у каждого был меч, потому что таков порядок. Они получают его у квартирмейстера завернутым в промасленную ткань, с печатью инспектора, скрепляющей бечевку. Спрашивают – почти рефлекторно – что им с этой штукой делать, и получают какой-нибудь полубессмысленный дежурный ответ, один из известных лично мне пяти. Позже – ломают печать, ведь такова их обязанность – снять всю обертку, заточить и отполировать лезвие; подготовить оружие к проверке, словом. А, так вот для чего нужна эта штука! Для того, чтобы ее проверяли! Изумительно. Если вы инженер, получаете тринадцатую модель. Не пятнадцатую – шедевр эргономичности. Не четырнадцатую – честную и надежную спутницу имперской армии на протяжении сорока последних лет. Тринадцатую – обоюдоострую, с тяжелым ромбовидным навершием, края которого натирают запястье до крови. Сталь клинка, чего уж греха таить, посредственная – тринадцатую модель признали дефектной и сняли с эксплуатации сразу после выпуска

первой партии, семьдесят лет назад. Вот только та партия насчитывала полмиллиона – и ни один тот меч не списали. Ну правильно, чего добру пропадать – можно раздать фуфло поварам, музыкантам, клеркам, носильщикам, инженерам; любому, кто никогда не будет использовать бесполезную вещь, но по уставу обязан иметь при себе меч. Но, конечно, всегда находятся шуты гороховые, теряющие мечи, ломающие в драке, обменивающие их на кварту сидра. На замену я поручал выдавать топоры. Топоров, сразу скажу, у нас было в достатке – трехфунтовая головка, прямое ясеневое древко – хорошо подходит для резки и обработки древесины, абсолютно бесполезен в бою. Примерно у ста солдат были луки – в обход устава, запрещавшего брать с собой личное снаряжение, но немного свежего мяса вносит разнообразие в положенный пакет. Оленя с двенадцати шагов уложить из такого лука можно. Броню пробить – извините, без шансов.

Кстати о броне; ее нам не полагалось, нет нужды. Мы получали этикие ватники из двадцатислойного льна и хлопчатобумажных отходов. Вполне выдержат удар меча или приглушенного копья – да и стрела не всякая с первого раза пробьет. В такой одежде жарко как в адском котле, и она сковывает движения, но, если смотреть беспристрастно – значительно лучше, чем ничего. Настоящие солдаты носят ее под доспехами. У всех нас была такая. И, ясное дело, все оставили ее дома. Ни шлемов, ни щитов, ни нагрудников, ни поножей, набедренников, наручей, перчаток, горжетов, наколен-

ников или налокотников. Прекрасно.

Один старик, которого я встретил в лагере рабов, однажды сказал мне: «Всегда думай о хорошем». Он умер от гангрены – сложно найти в этом что-то хорошее – и последнюю неделю на земле провел стеном от боли; но я все равно старался следовать его совету. Соответственно: мы знаем, чего у нас нет, нам не нужно напоминать о том, чего у нас нет; но что у нас есть? Подумаем об этом.

Я думал или пытался думать, но какой-то дурак все время перебивал меня.

– Артавасдус все еще в ярости, – скорбно сказал мне Нико, когда мы поднимались по холмам Тарантского Креста. – Говорит, что нужно привлечь вас к ответственности.

– А почему нет? – откликнулся я. – Он имеет на это полное право. И если, когда мы вернемся, будет кому предъявить мне обвинения, я приму их с радостью, поверьте мне. А пока – мне хотелось бы услышать ваше мнение.

Нико принял мудрый вид:

– По поводу?

– Как думаете, кто эти ублюдки?

Картина: здоровяк старается напрячь мозги.

– Шердены же?

Я покачал головой.

– Даже если они смогут собраться в одном месте и не перерезать друг друга, что очень, очень маловероятно, всего насчитывается около восемнадцати тысяч взрослых муж-

чин-шерденов. И они воры, а не вояки.

– Но они напали на Классис, и еще на несколько мест.

От подъема в гору одновременно с болтовней у меня сбилось дыхание.

– Они хорошо управляют с кораблями, – сказал я. – Они, как и мы, специалисты.

Нико вздохнул.

– Вы уж простите, в географии я не сильно силен... Может, тот народ, про который вы мне рассказывали, – как их там, хусы?

Нико, конечно, может целый день лазать по горам, параллельно распевая арии из ораторий Теоделя, – и ничего с его дыхалкой не станется. Тем не менее, учитывая выбор, я все равно предпочел бы быть скорее умным, чем здоровым.

– Хусы – пастухи. Они пасут огромные стада овец на высоких холмах и никогда не задерживаются на одном месте. Но они никуда не пойдут без своих овец, женщин и детей. Самое большее, что обычно видишь, – сотню или около того чокнутых молодых храбрецов, которым хочется награть достаточно, чтобы поднять выкуп за невесту. В основном они воруют друг у друга, чтоб ты понимал, на других замахиваются только в совсем голодную пору. Кроме того, робуров они боятся как огня. Они сжигают своих мертвецов, поэтому вас принимают за призраков, опаленных пламенем дочерна, или типа того. Так что это не хусы, Нико.

Я действовал ему на нервы. Он не любит, когда ему напо-

минают, что он не про все знает.

– Ну тогда... На севере и востоке есть сотни племен, которые постоянно кочуют и быют друг друга. Может быть, о наших врагах мы и не слышали никогда.

– В самом деле, – взялся перечислять я, – альбы, мальдиты, санфуиканцы, а также Альянс Себелота, Флос-де-Глая, Презада...

Нико посмотрел на меня пустым, обеспокоенным взглядом. И зачем я его дразню.

– Они действуют друг на друга как волны в шторм. Альбы вытесняют мальдитов, те, в свою очередь, вытесняют санфуиканцев, и в самом конце линии Седьмая армия кое-как справляется с ордами мародерствующих бассанегов, решивших перейти замерзший Астар. Такие волнения не происходят в одночасье. Мы бы хоть краем уха, да прослышали бы о них. – Я вспомнил несколько заседаний Совета и поправился: – Я бы услышал об этом.

Он посмотрел на меня.

– Но вы не слышали?

Я покачал головой.

– Мы бываем во многих местах, и я встречаюсь со многими людьми. Они мне кое-что рассказывают. Большая межплеменная война не осталась бы незамеченной.

– И слухов, значит, не было.

– До меня – ни одного не дошло.

Я раздражал его; никому не нравится, когда разговор не

по зубам.

– А вы на кого думаете? – Поняв, что я и так почти дожал несчастного, я не стал отвечать.

От Фаиномай-Эйнай до Города – плодородное раздолье. Здесь олени и дикие свиньи из неприкосновенного леса его величества бегают вольготно и жрут капусту крестьян – будто знают, что за их убийство простолюдину грозит пять лет каторги. Если встать на вершину одного из маленьких холмов, можно увидеть россыпь ферм, побеленных и крытых золотистой соломой, богатые зеленые поля, прямые как стрелы живые изгороди. В самых диких мечтах я бросаю к чертям службу и покупаю себе такую ферму. Дальше к северу земля поднимается выше – там начинаются изумительные виноградники. Я к чему: там живет много людей, они дни напролет проводят на открытом воздухе и волей-неволей замечают всякое. И нас они заметили. Они перестали работать и пилились на нас.

Один старик подошел к воротам своего двора и хмуро посмотрел на нас, когда мы протопали мимо по дороге. Я остановился и дружелюбно улыбнулся ему.

– Прошу прощения, – произнес я, – не проходила ли тут армия несколько дней назад?

– А кто спрашивает?

Я легонько толкнул Нико – здоровяк хорошо ладит с людьми.

– Капитан Бауцес, Имперские инженерные войска, – ска-

зал он.

Ох уж этот его акцент. Явно произвел впечатление на фермера.

– Три дня назад, господин. – «Господин» – это вам не баран чихнул! – Они шли ночью, торопились будь здоров.

Я вспомнил одного моего друга, ему в потасовке попала стрела в живот – мы его потащили к хирургу, тот стрелу достал, а она вся заржавленная... Примерно так я себя почувствовал.

Ну и дела.

– Форсированные марши, – сказал Нико, понизив голос, когда мы двинулись дальше, – мы останавливались каждую ночь, а они даже не утруждают себя добычей провизии.

– Оно им ни к чему – спасибо запасам генерала Приска, – сказал я. – И последнее, чего они хотят, – переполошить округу.

После этих слов Нико замолчал. Великолепно. Я снова мог подумать.

Итак, на перекрестке Белого Медведя мы повернули вправо. Налево уходила ведущая в Город главная дорога, а направо – спуск вдоль реки Сребросвет к побережью. Это глубокая лесистая долина, немного похожая на дорогу через Спендонский лес (от моих храбрецов сходство не ускользнуло). Выходит она к Бел-Семплану. Аккурат перед Семпланом – Водосход: там Иснел впадает в Сребросвет.

Возможно, вы не очень много думаете про дерьмо. Зачем

бы? Но это интересная тема. Позволь, читатель, вернуть тебя на пять веков назад, во времена Великой Чумы. Когда она кончилась, его величество Эврик III мудро рассудил, что она вызвана была грязью, и ни у кого не хватило духу возразить ему. И он основал дерьмовый дозор – он, кстати, до сих пор существует. Входящие в него несчастливцы патрулируют улицы в тихие предрассветные часы, опустошая отхожие места и горшки-нужники, а еще собирая всю вонючую еду и заплесневелое постельное белье, мертвых собак и кошек, лом – словом, весь тот мусор, что принес, по разумению Эврика, Великую Смерть. Дерьмо вывозится телегами на фермы и там идет на удобрение капустных грядок. Сукновалам же достается моча, все остальное грузят на большие плоские баржи и сплавляют по Инсел, а потом по Сребросвету напрямиком в Бел-Семплан. На веслах отгребая где-то четыре мили от тех мест, где течение неминуемо унесло бы все это обратно в городскую гавань, они производят сброс – и плывут на баржах обратно вдоль побережья в Город. Все организовано так, что река выполняет всю тяжелую работу по перемещению полностью загруженных барж вниз по течению; прилив помогает уже пустым судам на обратном пути. Умно. Думаю, до этого додумался какой-нибудь полковник инженерных войск, чье имя все позабыли.

Это была афера – или это называется ауспиции? Кажется, так. Там, грубо говоря, Богу дается выбор – если ты на моей стороне, позволь этому случиться, если нет, делай, что

считаешь нужным. К тому, что, если Бог все еще на нашей стороне, суда дерьмового дозора все еще где-то на реке или в доке в Бел-Семплане. Если они сейчас следуют назад в Город, значит, Богу не угодно, чтобы мы спасали Город. Тогда можно найти какое-то плавучее средство и уплыть – до Излучины лучше всего. Где-то в Ольбии, в тех краях, робуры основали могущественную колонию, хотя есть ли она там сейчас и где, черт возьми, эта самая Ольбия – можно только догадываться.

Лично я все еще верю в Ольбию – по крайней мере, в нее гораздо больше, чем в Бога, – но возможности подкрепить веру фактами мне все же не представилось. Баржи дозора оказались пришвартованы у причала в Бел-Семплане. Экипажей не было – они совершали ежедневный рейс и одолели уже три четверти пути домой, когда встретили группку мелких лодок, гребущих изо всех сил вдоль побережья. Люди в этих лодках кричали им, чтобы они повернули назад, так как Город осажден – у его стен полчища варваров и нет солдат, способных отбить их атаки. Если нет желания сложить голову – не возвращайтесь – вот что кричали те лодочники.

Поэтому экипажи барж развернулись и поплыли к Бел-Семплану, провели быстрое совещание, и – след их простыл. По большей части они рассосались по барам, пропивая остаток денег на том основании, что раз завтра для них не наступит, то терять особо нечего. Я велел своим ребятам собрать их и поговорить с ними.

Я сказал им, что мы настоящие солдаты, пришедшие освободить Город и защищать его, пока не появится подкрепление. Предположив, что не сможем вовремя миновать линию осады, мы прибыли в Бел-Семплан в надежде реквизировать флот дерьмового дозора и направить его в городскую гавань. Вопрос в том, видели ли дозорщики военные корабли в тех краях? Оказалось – не видели. Ну и отлично. Больше всего я боялся, что шерденов привлекли для оказания военно-морской поддержки сухопутным войскам. Я бы, будучи в их позиции, сделал так, да и любой человек с мозгами. Если они так не поступили – значит, есть веская причина (как я узнал позже, она действительно была – сильный шторм на Игле рассеял пиратов по закоулочкам; вероятно, ауспиция, хотя в Бога я по-прежнему не верю). Во всяком случае, мы могли войти в гавань – там не было пиратов, готовых потопить нас.

Заручившись в жизни пусть маленьким, но все же авторитетом, я никогда не переставал дивиться тому, как сильно люди верят в него и доверяют ему. Мне-то все видно с изнанки: неэффективность, глупость, коррупция и кровожадное невежество и простая нехватка ресурсов, не дающая справиться с горами бесконечных, постоянно множасьихся проблем. Я вижу с изнанки, а другие – со стороны. А там – великие неприступные стены, профиль Императора с одной стороны монеты и Победа – с другой, храмы, солдаты в сияющих доспехах. Они это всё видят и верят, что Империя велика, сильна, мудра, непобедима. С ней глупо бороться, ее

нельзя перехитрить (хотя иные мои друзья на Старом Цветочном рынке этим промышляют всю жизнь и до сих пор не были пойманы за руку). Раз они не способны тягаться с ней, значит, никто не способен в принципе. Ровно то, что я описал, – с этими несчастными дураками с барж. Стоило мне сказать, что я представляю армию, – они будто от дурного сна очнулись. Раз армия здесь, значит, все будет в порядке. Тот факт, что у нас вместо брони шляпы и плащи, и мечи тринадцатой модели, да и численностью мы не особо похвастаться можем, как-то от них ускользнул. «Всё в порядке, – сказали они себе, – будем делать, что скажут». Может, сказало и то, что эти brave ребята напились, – но не думаю, что их реакция отличалась бы сильно, будь они трезвы. Человек в форме отдал им приказ – вот они и обрадовались. Я, конечно, чувствовал себя неловко из-за этого, но время поджимало.

В одном нам совершенно внезапно повезло. Пока Стилико с друзьями выгонял пьяных матросов из портовых баров, он случайно узнал, что один из больших лесовозов, которые курсируют из Уил-Элейса в Науфрагию, был вынужден отправиться в Бел-Семплан из-за шторма. Он перевозил двести семьдесят тонн выдержанного элимейского кедра.

– Конфискуем, – сказал я ему. – Нам это добро непременно пригодится.

Стилико ушел, вернулся чуть позже. Капитан, сказал он, отказался позволить нашим людям реквизировать корабль

или его груз без компенсации. Я вздохнул, вырвал страницу из блокнота и выписал чек от казначейства на десять тысяч гистаменонов.

– Так нельзя! – Стилико был потрясен до глубины души. – Это в десять раз больше реальной стоимости...

– И что?

– Речь о государственных деньгах!

Я подумывал о том, чтобы объясниться, но не было ни времени, ни сил.

– Делай, что говорю, – приказал я и протянул ему клочок бумаги. Стилико удалился выглядя глубоко оскорбленным.

– Еще отправь пару дюжин наших парней на корабль, – повелел я ему вдогонку. – На всякий случай.

Для справки, моряк из меня не очень. Я считаю, это потому, что я инженер. Я живу в мире прямых линий, неподвижных точек, надежно зафиксированных объектов – прямая противоположность морю. Наверное, это потому, что я рожден в глубине суши, в двух неделях мучительного пути от моря через горные перевалы и речные броды. Нико снисходительно улыбается и замечает, что робуры – нация мореплавателей, и в этом источник их превосходства. В любом случае недолгое плавание из Бел-Семплана в Город я провел у борта, сожалея обо всем съеденном за последнюю неделю; и хорошо – я совсем не мог ни о чем думать. А если б мог – дрожал бы как лист на ветру перед перспективой того, что обнаружим мы, когда прибудем на место.

Едва корабль вошел в залив, волны стали ниже, и я кое-как очухался. На этот раз, лишь только миновав Иглу, мы как бы скользнули домой – плавно, как стрела по направляющей арбалета. Пустяковая милость. Я перестал стонать и начал паниковать – но кругом, на голубых водах, не наблюдалось ни единого вражеского судна.

Что хорошо в дерьмовых баржах – каждая уникальна, двух одинаковых не сыскать. Нас ни с кем не могли перепутать в Городе, но я все равно беспокоился о том, каков будет прием. Во-первых, мы не были похожи на имперских солдат.

Во-вторых, кто бы ни был главным в Городе, он, вероятно, уже усёк: внешность может быть обманчивой. Кроме того, дерьмовый флот не являлся государственной тайной и наш таинственный гениальный враг легко мог выведать о нем, реквизировать его и забить его до планшира вооруженными людьми. Пока мы не подойдем близко – скажем, ярдов на семьдесят, – в Городе никто не поймет, что мы – это мы, хорошие ребята. А стрела спокойно пролетает ярдов сто пятьдесят. Но если бы я скомандовал всем пригнуться, комитет стражи бы не увидел темных лиц и имел все основания начать обстрел.

Неловко, но никакого комитета не оказалось. Причалы были на диво пустынные: ни пришвартованных кораблей, ни докеров, никто не слонялся без дела и не торговал всякой всячиной. Я почувствовал себя так, словно проглотил кусок льда.

Я плыл на головной барже. Мы ткнулись носом в причал, кто-то перепрыгнул через него с веревкой и привязался. Трап с грохотом ударился о камень. Храбрости я так и не нашёл.

– Нико, – сказал я, – сходи разведай, есть ли там кто.

Он бросил на меня скептический взгляд, но приказа не послушался. Никто не спешил следовать за ним. Пройдя по набережной около ста ярдов, он замер, огляделся; затем я увидел, как он помахал кому-то, кого мы не могли видеть. Ребята, обступив меня, чуть ли не звенели от напряжения

– в любой момент готовые рвануться к веслам и налечь на них изо всех сил. Нико, переговорив с кем-то, кивнул – и потрусил обратно к нам.

– Там начальник порта, – известил он. – Забаррикадировался в своем кабинете. Но нас встретит.

Выдохнув, я отдал приказ высаживаться. Подошли и остальные баржи. Лесовоз пока стоял в сторонке – как толстушка, пришедшая на танцы. Начальник порта, в кольчуге и шлеме, коим с виду было сто лет в обед, подошел встречать нас; пока Нико не представил меня напрямую, он даже и не обратил на меня внимания.

– Где все? – угрюмо поинтересовался я.

– Ушли, – в тон мне отозвался портовый. Обрадованным его назвать было никак нельзя. – Как только услышали, что происходит, – ломанулись сюда, стали занимать все суда, что тут стояли. Тут настоящее побоище было – никогда не видел ничего подобного.

– И что, ни одной посуды не осталось?

Он хохотнул.

– Расхватали всё до последней лодки. Никто не стал морочиться с курсом – лишь бы подальше отсюда. Кому не хватило места на борту – вернулись на холм, к храмам. А что толку-то.

Портовый уставился на меня так, будто взглядом хотел достать до самой души.

– Куда бы вы ни направлялись – возьмите меня с собой.

У меня есть деньги.

– Мы никуда не собираемся, – сухо отчеканил я.

Он так и вытаращил глаза; он явно лишился дара речи. Удалившись тем же путем, которым вышел, он оставил гавань в наше распоряжение. Справедливо.

Стоя на причале, я прикидывал дальнейший план – до тех пор, пока Нико о себе не напомнил:

– Ну, Город все еще стоит. Что теперь делать будем?

Это выдернуло меня из размышлений. – Кому-то надо взять на себя роль самого главного. Как думаешь, кто бы это мог быть?

На такие вопросы ответы у Нико отскакивают от зубов.

– В отсутствие высокопоставленного военного офицера это будет префект города.

Фаустин. О господи. Нет молотка забить гвоздик – стучите по нему каблуком старого ненужного ботинка.

– Сходи за ним, – сказал я.

– А разве не мы должны...

– Ситуация чрезвычайная. Посылаю тебя, потому что ты – вежливее.

Нико стоял дуб дубом, и вид у него был абсолютно беспомощный.

– Пошевеливайся, Нико...

Он пожал плечами и убежал. Отвернувшись от Города, чтобы не смотреть на него, я стал раздавать приказы. Это меня успокаивает, а дел накопилось много.

Первым делом мы выволокли баржи из воды на причал и пробили дыры в их днищах – ничего такого, что мы бы не могли починить, но достаточно, чтобы какие-нибудь отчаявшиеся граждане не опередили нас. Наскоро разгрузив лесовоз, мы снова отправили его по волнам – подальше от гавани; отвечать за него я оставил на борту пяток моих лучших сержантов. Затем я разделил людей на восемь отрядов, по пятьсот душ в каждом. К тому времени как я закончил, Нико пришел, ведя под руку бедного старого Фаустина.

Тот был пьян. У него были с этим проблемы и в лучшие времена. Ничего страшного. Помахав мне рукой, префект одарил меня широкой сумасшедшей улыбкой. Чтобы в таком виде он не попался слишком многим на глаза, я оттащил его в какой-то сарай, где хранились остатки снастей, усадил на большой моток веревки и спросил:

– Что случилось?

Он только ухмылялся мне, так что я врезал ему. Потом помог ему подняться с пола и спросил еще раз.

– Паскуда, – пробормотал он, ощупывая челюсть. – Что с тобой не так?

– Рассказывай, что случилось.

Он рассказал. Все началось с сообщений о том, что банда из примерно пяти тысяч дикарей появилась из ниоткуда и стала жечь фермы на дальней стороне склона Спендона. Совет провел внеочередной сбор. Генерал Приск решил, что лучшая защита – нападение, мобилизовал всю стражу и ушел

в карательный поход, сказав, что долго не задержится – задачка проще пареной репы.

Несколько дней спустя часовые на башнях узрели, что, похоже, армия возвращается. Фаустин велел открыть ворота, вывести людей на улицы, развесить гирлянды по всему Ипподрому, убедиться, что на вечеринках будет достаточно еды и питья. А потом, сказал он мне, удача, должно быть, повернулась к нам лицом, совсем чуть-чуть. У одного клерка из Военного министерства было какое-то срочное дело, и ему позарез нужна была печать Приска. Вместо того чтобы ждать, пока армия вернется домой (и тогда все будут заняты, крича «гип-гип-ура», и никакой работы не сделаешь дня три), он свистнул карету курьерской службы и выехал армии навстречу. Он подкатил довольно-таки близко – и тут осознал, что дела плохи: люди в солдатской форме были не того цвета.

Развернув карету, бедняга клерк погнал обратно во весь опор. Около сотни солдат врага отправились за ним, но лошади у курьеров – бестии быстрые. Фаустин гордо стоял у ворот, когда клерк вбежал, крича как сумасшедший – закрыть ворота, закрыть ворота! Фаустин этого человека хорошо знал – напрочь лишенный воображения посредственный тип, самый скучный робур на свете. Поэтому ворота закрыли – решетка опустилась за несколько ударов сердца до того, как вражеская кавалерия добралась до нее. К тому времени, конечно, люди на стене смогли увидеть молочно-белые лица

под шлемами. Два вахтенных сержанта рванули вниз по крепостному валу к другим воротам. Защита Города висела на волоске, но все входы сумели-таки вовремя закрыть.

Даже в таком форс-мажоре Фаустин смог собрать двести человек стражи – само собой, они были рассредоточены по всему Городу. Совершенно случайно в радиусе слышимости его голоса оказалось аж сорок, или даже чуть больше. Префект отправил их всех на Стену – заранее зная, что он в полной заднице.

Голые статистические данные широко не известны, но они есть в книгах, где любой может их прочитать. Сухопутные стены достигают тридцати восьми футов в высоту и восемнадцати футов в толщину у основания. Ворота – это десять слов дуба, уложенных крест-накрест, так что их нельзя взять на раскол; каждая из восьми петель весит четверть тонны. Если врагу никто не будет мешать, он сможет взломать и пробить их за полчаса (при наличии неограниченной рабочей силы и соответствующего инструментария) или сложить побольше хвороста и сжечь их к чертям за день. За первым Рубиконном его ждет полоса шириной в двадцать пять ярдов между Сухопутными стенами и Внутренней Чертой (высота – двадцать шесть футов, толщина – пятнадцать). Идея в том, что любой, кто дойдет до этой Черты, будет в считанные секунды расстрелян из осадных машин и луков где-то на крепостных валах – где негде укрыться и некуда бежать. Организация обороны – выше всяких похвал, пока у вас есть хотя бы

горстка стрелков. Чего, конечно, у Фаустина не нашлось.

Теоретически префект имеет в своем распоряжении все десять тысяч или около того трудоспособных граждан, которые получают жалованье от правительства – стража, Управление строительством, пожарная бригада, Инспекторат мер и весов и т. д. Вот только на местах никого из вышеперечисленных не было – все они сгрудились в гавани и дрались со своими же за места на лодках. Если кто-то и был готов защищать и защищаться, то только сотня чернорабочих из Парков и Садов, да и те – лишь тогда, когда префект пообещал им заплатить тройное жалованье.

(Их я мог понять. Когда я не в форме в Городе, меня часто принимают за садовника. Сенатор объяснил эту причуду несколько лет назад – так как млеколицые ниже робуров и, как следствие, ближе к земле, они естественным образом подходят для «сутулого труда», такого как посадка и прополка.)

Итак, сотня чернорабочих взошла на крепостной вал, держа мотыги и метлы на манер копий. «Вам не нужно ничего делать, – сказал им Фаустин, – просто стойте и создавайте впечатление, что дома кто-то есть». Удивительно, но это сработало. Враг остановился в трехстах ярдах от стены, выслав разведчиков, чтоб те побродили там и сям в окрестностях и хорошенько осмотрелись. Что они и делали до сих пор.

Согласно книгам (существует обширная литература по вопросу), существует пятнадцать способов защиты при оса-

де города. Испробуйте любой, и если вдруг не поможет, то...

Действительно. Эти книги пишутся для генералов, королей, императоров. Не повезло – значит, не повезло, в следующий раз повезет больше; у вас-то этих городов много, правда же? Справедливости ради, каждый из пятнадцати способов практичен и разумен – при условии, что у вас есть приличный гарнизон, достаточно припасов и материальных средств, компетентный штат обученных офицеров и должным образом организованная линия командования.

В книгах не говорится, что есть шестнадцатый способ. Вы можете использовать его, когда у вас ничего нет: ни вещей, ни людей, ни командиров. Способ из разряда «даже не пытайтесь повторить это в реальных осадных условиях».

Отлично, подумал я. Давайте попробуем.

– Ладно, – сказал я, – вот что вам нужно делать.

Из всех сумасшедших идей, которые у меня когда-либо были, эта, пожалуй, была вообще за гранью добра и зла. Но Фаустин сказал – три сотни лет, и это могло означать только одно.

Торсионная машина шестнадцатой модели (катапульта, проще говоря) имеет максимальную дальность полета снаряда в двести семьдесят пять ярдов. Понятное дело, шестнадцатой модели у нас сейчас не было – не было никакой модели. Все они находились на складе в Классисе, разобранные и упакованные – готовые к разворачиванию в том очень маловероятном случае, если где-то понадобятся. Похоже было,

что наш враг этого не знал...

К счастью, я нашел способ достать то, что мне нужно. Я послал две из моих восьми рот вниз по причалу к Западному доку, где разгружают корабли с зерном. Они реквизировали все большие краны, протащили их к самому крутому холму у стены, затем разобрали на четыре основные части и подняли на башни, где снова собрали и накрыли брезентом. Издалека, если вы действительно не знаете, на что смотрите, грузовой кран, покрытый брезентом, немного похож на катапульту. Во всяком случае, это похоже на большую мощную машину – и вражеские разведчики посчитали так же, потому-то я все еще жив и вы до сих пор читаете это. Как я уже сказал – чистое безумие.

Тем временем еще три роты рыскали по заводскому кварталу в поисках всего, что могли найти: отбойных молотков, винных прессов, ткацких станков, часовых механизмов из Синего храма – словом, всего, что могло бы выглядеть пугающе или хотя бы пустить пыль в глаза. К тому времени разнесся слух, что префект раздает легкие деньги всем, кто готов слегка попотеть; так мы собрали около четырехсот человек из толпы на рыночной площади, которые считали, что если им и суждено умереть, то лучше помирать богатыми. Благослови их Господь, они чертовски неплохо поработали, и мы всего за час заполнили две трети артиллерийских ниш. Разведчики перестали шмыгать по округе, наш противник успокоился и начал ставить палатки. И именно так, дети мои,

полковник Орхан спас Город.

По крайней мере, сейчас. Проблема с «сейчас» в том, что оно быстро заканчивается и тогда придется выдумывать на ходу новый план.

Я все откладывал, но это нужно было сделать. Но черта с два я бы пошел пешком. Холм круто забирает вверх, а я вымотался. Стилико в два счета раздобыл мне лошадь; ненавижу верховую езду.

Никогда еще не видел я Город таким пустынным. На улицах никого, окна закрыты ставнями, двери заперты, мертвая тишина. Даже глубокой ночью в комендантский час нет-нет да и услышишь пьяное пение, женские крики или визг бродяги, на котором разминает кулаки стража. На самом деле ночь – напряженное время, потому что именно в поздние часы прибывают с окраин тяжелые груженные повозки. Им запретили ездить днем, потому что они передавили кучу народу; ступишь в колею по колено глубиной – и ты покойник; надо быть чокнутым, чтобы попытаться перейти дорогу между закатом и третьей вахтой. В четвертую вахту бузят возницы в круглосуточных питейных рыночного квартала, за которыми всегда интересно наблюдать издалека; на пятой вахте, как правило, где-нибудь происходит драка или поножовщина – Синие и Зеленые так находят здоровый выход до поры сдерживаемой агрессии. Шестая вахта – и деревенский люд потихоньку начинает ставить ларьки и лавки; заступает на смену дерьмовый дозор, уважаемые мужья тихонько бегут по домам после ночи в публичном доме. Думаю, суть вы улови-

ли. Пустынные и тихие улицы Города – взаправду страшное зрелище, особенно в середине дня.

Я прошел мимо группы моих парней, тащивших что-то (по-моему, узел приводного вала от водяного колеса) на ручной тележке; я помахал им, они помахали в ответ. Кроме них, я не встретил ни души, пока не добрался до стены, где пьяный сторож попытался арестовать меня. Я вынул ногу из стремени и пнул его прямо в зубы. Всегда хотел это сделать.

Чтобы подняться на крепостной вал, нужно одолеть одну из этих ужасных винтовых лестниц внутри сторожевой башни. С внешней стороны должна была висеть веревка, за которую можно было бы держаться, но ее не было, и ступени казались гладкими, будто отлитыми из стекла. Меня трясло, когда я вышел на яркий белый дневной свет, где какой-то шут гороховый сунул мне под нос лезвие мотыги и рыкнул:

– Кто ты, черт возьми, такой?

– Полегче, – сказал я ему по-алаузски; по цвету волос было понятно, что он из Старой Страны. – Я Орхан, полковник инженерных войск. А этой штукой можно и глаз выколоть.

Он ухмыльнулся и опустил мотыгу. Явно слышал обо мне – я единственный алауз, добившийся в Городе успеха, своего рода знаменитость. Говорят, что я продан, но уверен – говорят беззлобно.

– Проходи.

Я проскользнул мимо него и положил руки на парапет. Никогда не любил большую высоту, что, конечно, проблема

в моей сфере деятельности. Я окинул взглядом равнину и увидел нашего врага.

На первый взгляд – вроде бы всё в порядке. Имперская армия, блестящая и аккуратная, – обнадеживающее зрелище на поле брани, если вы – на правильной стороне. Но вот приходит осознание – и в горле встает комок, и в коленках слабеет. Их было несметное количество, и выглядели они так, как и подобает врагу – устрашающе.

Разве что ничего особенного они не делали. Пять рядов стояли при оружии – щиты на земле, копья к небу. Слишком жарко было, чтобы что-то делать, кроме как стоять на месте, когда на тебе надет весь ассортимент скобяной лавки. Позади них довольно много людей в ватниках, но без железа устанавливали палатки, носили туда-сюда припасы, копали отхожие места, разводили костры. До моих ушей доносился далекий перестук молотков – кузнецы подбивали подковы лошадям и чинили заклепки. Очевидно, никто никуда не торопился. Я еще разок огляделся, высматривая признаки того, что мои коллеги по ту сторону стены работают над большими баулами с пиломатериалами, – будь я с ними, давно бы уже строил лестницы, осадные башни и тараны. Насколько я мог судить – ничего подобного. А как же вязание толстых снопов – фашин, как мы их называем, – как же саперные работы, скрежет лопат подрывников у самого основания стен? Где широкие крытые повозки с распорками для пороховых ям? Такое не спрячешь запросто. Опять-таки – не видать.

Они чего-то ждали. Чего-то или кого-то.

Впрочем, этого я не знал наверняка. Но я знал, что нужно делать дальше. Строго говоря, это не моя работа; но у меня было неприятное чувство, что делать ее буду я. Надежда, Впрочем, умирает последней – может, все еще есть шанс переложить груз на плечи кому-то еще. То есть...

То есть – да поможет мне Бог – следующим делом придется идти на поклон лично к его императорскому величеству.

Клеменс IV, брат Непобедимого Солнца, регент Неба и Земли, Необоримый, Отец Своей Страны, Царь Царей, неважно. Он провел на троне семнадцать лет, что по меркам правящей верхушки очень даже недурно. В среднем двенадцати лет хватало за глаза, ну и всех тех, кто продержался несколько месяцев и кончил как голова на пике с прекрасным видом на Холмовую улицу, я попросту не считаю. К тому же он был рожден в пурпуре, что много значит для робуров. Практически невозможно предугадать, войдет ли человек, сидящий в Большом Кресле при вашей жизни, в историю как Великий, или Мудрый, или Жестокий, или Старый Скряга, или Безумный. Правящая верхушка хочет, чтобы вы верили, будто он никогда не ошибается и вы живете в наилучшем из времен, но ваши друзья на рынке или в «Собаьем дуэте» уверяют вас же, что император – полумный выпивоха-извращенец и Империя катится в ад на садовой тележке; ну а то, что вы видите собственными глазами (сияющие новые храмы, могучие многочисленные ар-

мии, марширующие на Новый год и Вознесение, заросшие поля, голодающие дети на улице), почти наверняка является нетипичным или единичным случаем или исключением, подтверждающим правило. Если бы вы спросили меня, я бы сказал, что Клеменс хорош, но был бы еще лучше, если бы не промахивался так часто в выборе советников. Ну, я бы хотел верить в такое положение вещей. Хотя мне ли вообще о таком задумываться?

Некоторые факты легко доступны любому, кто умеет читать или слушать, как их ему зачитывают. Клеменсу было сорок шесть лет; у него было два сына, Аудакс и Робуртинус, девятнадцати и пятнадцати лет от роду соответственно, так что наследование престола в его случае было делом вполне решенным. Его супруга, Волумния Молосская – холодная дама, большую часть времени проводившая за молитвами, – была мертва уже десять лет; ходили слухи – как же без них? – о дипломатическом браке либо Клеменса лично, либо отпрыска Аудакса с одной из эхменских принцесс; их всего две: одной пятьдесят шесть, другой – двенадцать, но такие вещи никого не волнуют в кругах власти. Забавно, наверное, быть императором.

Мне нужно было позарез увидеть императора, объяснил я префекту Фаустину, чтобы прояснить ситуацию. Если я остался самым старшим военным офицером в Городе (чего мне страшно не хотелось), мне нужно было подтверждение, или ордер, или что-то в этом роде. Если и был тут кто-то вы-

ше меня, я отчаянно хотел услышать о нем и попросить его приказать мне что-нибудь. Итак, как можно это устроить?

Фаустин окаменел.

– Откуда, черт возьми, мне знать? – Он успел почти протрезветь и чувствовал себя не лучшим образом. – Я никогда с ним не встречался.

– Никогда?

– Конечно, никогда, не городи чепухи. Естественно, мы общаемся через посредника.

Я кивнул.

– Прекрасно. И кто этот посредник?

– Камергер.

– Понятно. Значит, веди меня к нему.

Безумная улыбка снова появилась на его лице.

– Он сбежал на первом же корабле. А также Великий Логофет, Главный Паж, Хозяин Гардероба, Глава Палаты и Хранитель Конюшен. Никаких посредников не осталось. Их нет.

У меня начала болеть голова.

– Это невозможно, – сказал я. – Должны же где-то быть...

– Нет. – Фаустин повысил на меня голос – он никогда так не делал прежде. – Ты знаешь, как в этом Городе все устроено: есть иерархия, система, протоколы. Только теперь в них проделали дыру, хоть на телеге проезжай. Мы отрезаны от всего – с таким же успехом император мог оказаться на необитаемом острове. Мы не сумеем с ним связаться – у

нас для того нет каналов.

Бедный Фаустин! Как же крепко его промыли. Единственный способ сделать что-то – через иерархическую цепочку, а если порвется – это конец. Я взял его за подбородок и приподнял ему голову.

– Возьми себя в руки. Кто следующий после Хранителя Конюшен?

Он посмотрел на меня так, словно я сошел с ума.

– Я. Наверное.

– Ладно, – сказал я. – Ты сойдешь. Пошли вместе.

И мы отправились во Дворец.

Фаустин говорил, что это безумие, что нас не пропустит стража.

Стражи не было. Через полуприкрытую дверь мы спокойно вошли в очень большой и очень пустой сводчатый вестибюль.

Фаустин надумал сдать назад, но я урезонил его, заломив руку за спину. Мы прошли в другую просторно-пустую залу – с великолепным расписным потолком и статуями в два моих роста, выстроившимися вдоль одной стены. В конце коридора нас ждала лестница из зеленого мрамора, по бокам которой стояли позолоченные бронзовые львы размером с быков. Мы поднялись по ней, производя жуткий шум – ну, главным образом я, спасибо подбитым гвоздями башмакам. На верхней площадке мы встретили лысого мужчину в белой тунике. Он сидел на последней ступеньке, обхватив голову

руками.

– Мы пришли к императору, – сказал я.

Он уставился на нас. Фаустин повторил то, что я только что сказал сам. Лысому до нас, кажется, никакого дела не было – он глядел нам поверх голов, – и я вмазал ему.

Это его слегка оживило.

– Где он? – спросил я.

Мужчина указал направо, дальше по длинному высокому коридору с мозаичным полом. В конце коридора была бронзовая дверь высотой в двенадцать футов. Я толкнул ее – дверь распахнулась.

– Все это неправильно, – сказал Фаустин. – За это нас могут казнить.

Я улыбнулся.

– Ага. Кто?

– Мы не можем туда войти. Это Пурпур. Никто туда не ходит.

Я доказал, что он ошибался. Пурпур – это огромная квадратная комната, названная так потому, что ее стены, пол и потолок сделаны из полированного порфира. Что-то вроде гардеробной, как мне показалось, только без единого предмета мебели. Следующая дверь попирала все пределы разумного, будучи отлитой из чистого золота. Окажись здесь кое-кто со Старого Цветочного рынка, она вместе с петлями исчезла бы без следа ровно за пять минут.

– Спальня его величества, – прошептал Фаустин. – Мы не

можем...

Я был сыт им по горло.

– Оставайся там, – сказал я. – Надолго я не задержусь.

Я легонько толкнул дверь, и та открылась.

Было темно. Я мог разглядеть только огромную кровать, отгороженную занавесями. Перед нею на низком табурете сидел старик.

Он повернулся и посмотрел на меня. Думаю, света было достаточно, чтобы он мог разглядеть мое лицо. В его взгляде сквозила грусть – я знал, о чем он в ту минуту думал.

– Я полковник Орхан, – представился я, – инженерные войска. Мне нужно увидеть Императора.

Старец рассмеялся.

– Извольте.

Он указал на кровать. Мне это не понравилось, но я не знал, что еще можно сделать. Поэтому, подойдя как можно тише, я отдернул занавеску.

В постели лежал мужчина. Обычный на вид; лысый, если бы не зачесанные волной пряди волос на загривке, одетый в простую белую ночную рубашку. Он смотрел на меня, его глаза были открыты, он дышал... но не шевелился.

– Он такой уже девять месяцев, – сказал старик за моим плечом. – У него случился обширный инсульт в тот день, когда ему сказали, что его сыновья погибли. С тех пор он не шевельнулся. Кстати, я его врач.

Помню, как однажды въехал на коне в низко нависшую

ветку. В стремени удержался, но небо и земля поменялись местами. Вот как-то так я чувствовал себя сейчас.

– Император, – тупо произнес я.

– Император, – эхом откликнулся доктор. – Излишне говорить, что мы хотели удержать его состояние в тайне. Никто не знал – за пределами этой комнаты. Я не отходил от него ни на шаг с тех самых пор, как его перевели сюда.

– А он когда-нибудь...

– Нет, – доктор меня понял, – никаких шансов. Он останется таким до самой смерти.

Бессмыслица какая-то.

– Принцы?..

Я услышал, как доктор глубоко вздохнул.

– Аудакс и Робуртинус отправились на лодке в залив, – сказал он. – Они были пьяны – думаю, в то время это казалось хорошей идеей. Аудакс упал за борт. Он не умел плавать. Как и его брат, но он все равно пытался спасти его. Старик искренне любил их – одному Богу известно почему. В любом случае, вот он, твой император. Спрашивай, что захочешь.

Фаустин набросился на меня как кошка, когда я вышел.

– Ну что?

– Все готово.

– Что готово?

Я зашагал прочь. Фаустину пришлось припустить рысью, чтобы догнать меня.

– Я попросил у него полной власти, – сказал я.

– Что?.. И... что он сказал?

– Он дал согласие. Теперь я здесь за главного.

Я на мгновение остановился – меня тошнило и кружилась голова.

– Ты мой заместитель, Фаустин. Это тоже официально. Мы с тобой управляем гребаной Империей.

Он выглядел так, словно я только что отрезал ему ухо. Мне стало его жалко.

– И как мы... как ты это докажешь?

Я разжал кулак и продемонстрировал ему Великую Печать. Она лежала на столике у кровати вседержителя. Понятия не имею, как она оказалась у меня в руке. Должно быть, упала в какой-то момент, и я поймал ее не задумываясь.

– Пошли, Фаустин. Нас ждут великие дела.

Пурпур все так же пустовал. И две гулкие мраморные залы, и внутренний двор. Мы прошли через широко распахнутые главные ворота на Золотую Милю.

– Куда мы идем? – спросил Фаустин.

– На Старый Цветочный рынок, – сказал я. – Не думаю, что ты там когда-либо был.

Он поймал меня за рукав.

– Орхан. Вряд ли сейчас подходящее время.

Я высвободил руку.

– Самое время. А теперь – либо за мной, либо проваливай. На Старом Цветочном рынке тоже никого не оказалось.

Фаустин явно нервничал. Он все твердил мне, сколько нераскрытых убийств, поножовщин и грабежей произошло тут за последние шесть месяцев, что меня удивило – не думал, что кто-то утруждает себя подсчетом. Все будет хорошо, сказал я ему, ты со мной. Не думаю, что он мне поверил.

«Собачий дуэт» был заперт, окна упрятали за ставни. Я несколько раз постучался, а потом – пнул дверь со всей дури. Безрезультатно.

– Похоже, там никого, – заметил Фаустин, но я пропустил его слова мимо ушей. Уж в «Дуэте»-то точно должен кто-то быть – в противном случае спасать в Городе нечего. Но в округе не наблюдалось ничего такого, чем можно было бы сломать запоры, чтобы во всем убедиться самому. Хотя в таком районе подобные вещицы никогда не валяются без дела. Я несколько раз пытался ударить плечом в дверь, но мне хватило ума остановиться, прежде чем я вывихнул плечо. Вот же идиотизм – Верховный Лидер Империи не может открыть дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.